

Ирина Костина
Кавалергардский вальс

КНИГА 5

Ирина Костина

Кавалергардский вальс. Книга 5

«Издательские решения»

Костина И.

Кавалергардский вальс. Книга 5 / И. Костина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746735-7

История друзей — гвардейцев кавалергардского полка. Книга 5 охватывает первые годы правления Александра Первого. Под командованием генерала Цицианова присоединение Грузии к России перешло в войну с Персией, кровавую и беспощадную. Но император Александр уже потерял интерес к кавказскому вопросу. Взор его обращён в Европу, к сопернику, достойному восхищения — Наполеону.

ISBN 978-5-44-746735-7

© Костина И.
© Издательские решения

Содержание

Часть тринадцатая. Убежища заблудших душ	6
Часть четырнадцатая. Стремления жить, любить и властвовать	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кавалергардский вальс

Книга 5

Ирина Костина

*«Мы не стремимся быть первыми, но не допустим никого
быть лучше нас»*

граф А. И. Мусин-Пушкин, кавалергард

Иллюстратор Франц Рубо

© Ирина Костина, 2018

© Франц Рубо, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4474-6735-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть тринадцатая. Убежища заблудших душ

1802 год август

Санкт-Петербург, Таврический дворец

Лето в Петербурге всегда коротко: погода переменчива и большую часть времени льют дожди. Но сегодня неожиданно выдался солнечный день, от чего Таврический парк наполнился янтарным прозрачным светом. Елизавете захотелось прогуляться. Она строго наказала фрейлинам дать ей возможность побыть в парке одной.

Впрочем, почувствовать себя одной было невозможно; парк кишел кавалергардами, несущими караул на протяжении времени пребывания во дворце императора. А сегодня Александр со своими «негласными комитетчиками» задержался до вечера; в Петербург пришло сообщение о том, что Наполеон провозгласил себя пожизненным консулом Франции, и эта новость взбудоражила умы.

Условно отгородившись от всех зонтиком, Елизавета бродила по дорожкам вдоль клумб. Но коварная погода не дала ей насладиться прогулкой; неожиданно налетели облака, и поднялся ветер. Сильный порыв вырвал из её рук зонтик; тот покатился прочь, набирая скорость, по парковым дорожкам.

Елизавета увидела, как один кавалергард ловко подхватил «беглеца». И вот он уже идёт к ней навстречу, чтобы отдать утерянную вещицу. Лиз придала лицу учтивое выражение и вдруг опешила; караульный оказался её знакомым поручиком из Благовещенской церкви.

– Прошу Вас, Ваше императорское величество, – произнёс он, протягивая ей зонтик.

– Благодарю, – она вновь ощутила трогательные нотки, которые поднимают в её душе, его голос.

Ветер стих, и вновь выглянуло солнце. Лиз невольно зажмурилась, глядя на кавалергарда. Вот он стоит под солнечным светом, высокий, стройный с бледным лицом и чёрными, как омут глазами. В памяти Елизаветы короткими вспышками начали мелькать какие-то неуловимые картинки. Нет, она определённо где-то видела его, вот так же, среди зелёной травы и солнечных лучей. Ещё немного и она вспомнит! Пусть только он ещё скажет что-нибудь.

– Вы... давно на службе? – спросила она.

– Второй год.

– Вы родом из Петербурга?

– Нет. Наше родовое поместье находится под Воронежем.

– Я хочу задать Вам ещё один вопрос...

Но рядом, точно из-под земли, вырос командир полка генерал Уваров и участливо осведомился:

– Простите, Ваше императорское величество, у Вас всё в порядке?

– Благодарю, генерал. Всё в порядке, – подавив раздражение, ответила она, – Мой зонтик унесло ветром, а Ваш поручик его поймал.

– Молодец! – похвалил Уваров Охотникова.

Лёшка вытянулся во фрунт:

– Рад стараться, Ваше высокоблагородие.

Лиз поняла, что командир не даст ей поговорить с молодым человеком наедине, и обратилась к Уварову:

– Господин генерал, пришлите Вашего поручика ко мне в покои через час; я хочу дать ему кое-какие поручения.

– Так точно, Ваше императорское величество.

Покои Елизаветы Алексеевны

Снявшись с караула, Охотников припустил бегом по песчаным дорожкам парка. Невежливо! Сама попросила, чтоб он явился к ней в покои! Лёшке ужасно захотелось сделать для Елизаветы что-нибудь приятное. Он свернул в дальний угол сада, где вдоль забора росли ромашки, и безжалостно оборвал их все.

Спрятав букет за спину, он проскользнул мимо фрейлин и стоящих на карауле офицеров, и вошёл во дворец. Пересохшими от волнения губами сообщил:

– Прибыл по приказу Её величества императрицы Елизаветы Алексеевны в её распоряжение!

Придворная камеристка, любопытно смерив его взглядом, доложила:

– Ваше величество, там какой-то кавалергард. Говорит, что прибыл по Вашему приказу.

– Пусть войдёт, – услышал Лёшка её голос и от напряжения взмок.

Елизавета тоже испытывала лёгкую неловкость:

– Простите, я не знаю, как к Вам обращаться...

– Поручик Охотников, – представился он.

Она задумалась; нет, фамилия Охотников ей решительно ничего не подсказывала.

– Поручик Охотников, у меня к Вам есть один деликатный вопрос.

Алексей жадно поглощал глазами каждое её движение. Елизавета поймала на себе этот взгляд и смутилась:

– Я знаю, что Вы посещаете могилу моей дочери, – призналась она, – Нет, я не осуждаю Ваших действий. Мне приятно, что Вы оказываете почести светлой памяти моей бедной девочки. Но, однако... почему Вы это делаете?

«Потому что я люблю Вас!» – чуть не брякнул Алексей, но поймал себя за язык и... поперхнулся.

– Что с Вами? – удивилась она.

Но он продолжал кашлять, и никак не мог остановиться.

– Выпейте воды, – любезно предложила Лиз, сама наполнила стакан и протянула ему.

– Благодарю, Ваше величество.

– Что Вы прячете за спиной? – не выдержала она.

Лёшка вытянул слегка помятый букет и дрожащей рукой протянул его императрице.

– Что это? – растерялась она, принимая цветы.

– Ромашки.

– Ромашки? – переспросила она и вдруг застыла, точно парализованная.

...Вот оно! То самое слово!... В памяти появились светлые вспышки: солнце, высокая трава, качание кареты, весёлый смех Дороти, и мальчик... Он едет верхом рядом с каретой и не сводит с неё влюблённых глаз. «Лиз, спроси его о чем-нибудь», – слышится голос Дороти. «Это же неприлично», – восклицает она. «Ну, признайся, тебе самой хочется»... Да, ей, действительно ужасно хотелось тогда заговорить о чём-нибудь с незнакомым красивым мальчиком. И она спросила какую-то чепуху...

– Что Вы сейчас сказали? – Елизавета выпала из воспоминаний и с любопытством уставилась на поручика.

– Ромашки, – повторил Алёшка, наблюдая её растерянность, и ощутил, как у него самого развивается дрожь в коленях, – Вы спросили, как называются эти цветы, – напомнил он, – Я ответил: «Ромашки». А Вы тогда сказали: «Какое смеш...

– Какое смешное слово «ромашки» – машинально повторила вместе с ним Елизавета и сама испугалась тому, что произошло.

У Алексея вытянулось лицо:

– Вы... неужели, Вы помните?!

– В-вы.. тот самый Алексей?

– Вы запомнили моё имя?!! – воскликнул он, потрясённый до глубины души.

Елизавета растерялась. Невероятно. Это было так давно! А имя его она, в самом деле, не забыла. Да и как могла? «Ели-за-вета А-лек-сее-вна, звучит, как колокольчик – дили-дили-динь» – вспомнился ей разговор с сестрой после крещения, – «А парня того тоже звали А-лек-сее-ем, дили-динь...»

Дверь в покои внезапно распахнулась, и в комнату вошёл Александр:

– Лиз. Я хотел напомнить тебе, что сегодня..., – он осёкся, заметив молодого кавалергарда, и царившую в комнате всеобщую неловкость, – А что происходит? Что делает в твоих покоях этот поручик?

– Он..., – Лиз, в поисках спасения, нервно зашарила рукой по столу и наткнулась на конверт из Швеции, – Он принёс мне письмо от Дороти, – тут же нашлась она, помахивая конвертом, точно веером.

Александр сомнительно наморщил лоб:

– Дорогая, что с тобой?

– Что? – рассеянно переспросила она.

– Ты так взволнована. Что-то с Дороти?

– ...А? – Лиз от страха боялась взглянуть на мужа, – Нет-нет. У Дороти всё в порядке.

Александр обернулся к застывшему посреди комнаты офицеру:

– Вы свободны. Ступайте.

Лёшка послушно щёлкнул каблуками и удалился.

Оставшись наедине с супругой, император критично взглянул на неё, пытаясь определить, чем же всё-таки она так взволнована? Ни жива, ни мертва, Лиз стояла посреди комнаты и прижимала к груди букет ромашек.

– Откуда цветы? – полюбопытствовал Александр.

– Я сама нарвала... на прогулке, – опять соврала она и, в ужасе от такого количества вранья, схватилась за голову.

– Что с тобой? Тебе нехорошо? – испугался он.

– У меня что-то голова закружилась. Пойду, прилягу.

1802 год август

Картли-Кахетия, Тифлис

Кнорринг отбыл в крепость Моздок. Он в царствование Екатерины был командиром Кавказской линии, и теперь рассчитывал, что бывшие соратники не оставят его в беде.

Спустя несколько дней, до Тифлиса дошло известие, что Кнорринг не дошёл до Моздока; он с отрядом был остановлен нападением лезгин в Ларском ущелье. Заняв оборону, русские оказались зажаты среди скал и лишены возможности двигаться дальше.

– Мы должны помочь командующему, – заявил Лазарев, – Обратимся к царевичу Вахтангу с просьбой – выделить армию грузин, чтобы пройти до Ларского ущелья и отвлечь внимание лезгин на себя. Таким образом, дадим шанс Кноррингу прорваться к Моздоку.

– Верно! – подхватил Тучков.

Сашка скептически покусал губу:

– Господа, я не уверен в преданности царевича Вахтанга. У меня есть сведения, что в его Душетский замок ежедневно приходят толпы вооружённых людей.

– И что из этого? – наморщил лоб Лазарев.

– Однако никто не приметил, чтобы они оттуда возвращались, – сообщил Чернышёв, – Вот скажите, генерал, когда Вы были последний раз в Душете у царевича?

– Третьего дня, – признался тот

– И Вы видели в его замке большое скопление народа?

– Нет, капитан. Никого, кроме прислуги.

– Как думаете, куда деваются все эти люди? – Чернышёв вопросительно уставился на обоих генералов.

– Неужели заговор?!

– Это надлежит проверить.

Учитывая обстановку в Тифлисе, где уже всё перемешалось – свои и чужие, и нельзя было никому доверять, Тучков с Чернышёвым выехали в Душет ночью тайком. А, чтобы притупить бдительность царевича Вахтанга, взяли с собою грузинского князя Тарханова.

Едва забрезжил рассвет, они с сотней казаков осторожно въехали на окраину Душета. Чернышёв взял на себя роль посыльного и направился в замок сообщить о том, что генерал Тучков и князь Тарханов намерены нанести царевичу визит. Если подозрения об измене не подтвердятся, то Тучков поговорит с Вахтангом о вызволении Кнорринга из Ларского ущелья.

В ответ на просьбу Сашка услышал, что царевич ещё спит.

Подождав, он явился в замок снова. На этот раз ему сказали, что царевич одевается и не может его принять. Затем придворные сообщили, что он просит вначале прислать к нему одного князя Тарханова.

Это уже насторожило Сашку. Он, нехотя, согласился, но потребовал, чтоб царевичу доложили, о намерении генерала Тучкова поговорить с ним о важных государственных делах. Сам спустился во двор.

Пока они с Тучковым обсуждали ситуацию, князь Тарханов вдруг сложил ладонь козырьком и пристально вгляделся куда-то вдаль:

– Господа! По-моему, это царевич Вахтанг; я узнаю его зелёный плащ и коня!

И они увидели фигурку всадника, лихо удаляющегося от стен замка.

– Ч-чёрт! Он сбежал!! – воскликнул Тучков.

– Что я Вам говорил! На воре шапка горит, – подтвердил Сашка, – Он увидел у себя под окнами казаков, услышал заявление встретиться с генералом Тучковым, и испугался!

– В погоню!! – скомандовал Тучков казакам, вскакивая на коня, – Догнать его!!

Погоня была не продолжительной и безуспешной. Царевич Вахтанг, проскакав три версты, свернул к небольшому замку, принадлежащему его дворянину. Ворота замка за царевичем быстро затворились.

– Окружить замок! Никого не выпускать!! – кричал Тучков.

Спустя четверть часа им удалось силами казаков выбить ворота и въехать во двор. Но внутри было пусто. Чернышёв с Тучковым лично прошарили все покои и не обнаружили никого, кроме одинокой старухи, спрятавшейся с перепугу в кладовке.

Но зато увидели, что все комнаты замка были похожи на военные склады; в них было полно продовольственных запасов, ружей, пороху и свинцу. После отчаянного крика Тучкова и гневных угроз о расправе, старуха, наконец, показала им погреб, откуда был вырыт основательный подземный ход. Тучков с Чернышёвым прошли его насквозь и оказались в гуще леса...

– Ушёл! – запыхавшись, выдал с досадой Тучков, – Предатель. Что делать? От него теперь можно ждать чего угодно. Надобно его разыскать, пока он не собрал войско!

– Поздно, – отряхнул мундир Сашка, – Боюсь, что он его уже собрал.

– Вернёмся в Душет и допросим народ в замке. Они, наверняка, осведомлены о местонахождении хозяина.

Но в Душете они застали неожиданную картину: отряд гренадер заполнил площадь. Супруга царевича Вахтанга, выйдя на башню замка, отчаянно кричала собравшемуся народу о притеснении крови любимого ими царя Ираклия и требовала мщения.

Сашка испуганно потянул Тучкова за рукав:

– Едем отсюда. Как бы эта разъярённая толпа не разорвала нас на куски.

И они спешно ретировались.

Возвращаясь в Тифлис, Тучков сокрушённо заявил:

– Делать нечего; заберем остатки армии из Тифлиса и сами пойдём к Ларскому ущелью. Если мы не поможем Кноррингу, то помощи ему ждать не откуда.

– Но, если мы уйдём, Тифлис останется полностью беззащитным, – напомнил Сашка.

– А гори он огнём! – ожесточённо заявил Тучков, – Если Кнорринг не приведёт подмогу, нас самих не сегодня-завтра всех перережут, как малых щенков!!

1802 год сентябрь

Санкт-Петербург

Александр Павлович, читая письма Чернышёва о положении дел в Грузии, становился всё мрачнее. Прав был Кочубей, предупреждая, что Кнорринг не оправдает его надежд. В глаза императору бросилась фраза из письма: «Основная сложность заключается в том, что новое управление не знает не только местных нравов и обычаев (к коим само население относится с трепетом и святостью), но даже не владеет грузинским языком...»

– Верно, – прошептал Александр, – Мы терпим поражение, потому что мы там чужие. Нам не верят и оттого ненавидят. Нужен человек из местных; тот, кто почитаем грузинами и свято предан Российской империи.

Он начал перебирать в памяти возможные кандидатуры:

– Князь Багратион, что прославился в Итальянском и Швейцарском походах с Суворовым? Смел. Но слишком молод и горяч. Не наломал бы дров ещё поболее? Кто ещё? Царевич Давид себя дискредитировал в глазах родственников. Нет, грузинские царевичи отпадают. Эдак они, войдя во вкус, вновь вернут монархию в Грузию.

И тут Александра осенило:

– Князь Цицианов! Сорок восемь лет. Потомок древнего грузинского княжеского рода Цицишвили. И характеристика достойная! Прошёл Турецкую войну. Выиграл битву под Хотиным. Штурмовал Вильно. Участвовал в Персидском походе. Сам Суворов в одном из приказов предписывал войскам «сражаться решительно, как храбрый генерал Цицианов». Идеальная кандидатура!

Александр Павлович решительно вызвал к себе Кочубея:

– Виктор Павлович, готовьте приказ об отставке Кнорринга и назначении на должность командующего Грузинской Российской губернией князя Павла Дмитриевича Цицианова!

1802 год сентябрь

Мекленбург

Дмитрию Платоновичу, пользуясь связями, удалось быстро получить разрешение Святейшего Синода на расторжение брака. Уже в конце сентября 1802 года архиерей православной церкви в Шверине сделал соответствующие записи в книге и объявил, что отныне раб божий Дмитрий и раба божия Надежда не связаны семейными узами, не обязаны вести совместное хозяйство, и имеют право на вступление в новый брак. Княгине возвращается её девичья фамилия Сташевская.

Надя приехала в Шверин для получения списка с записи, подтверждающей сие действие. И обратилась к архиерею с просьбой разрешить их сыну Ивану писаться далее как князь Сташевский. Служитель церкви выразил недоумение:

– Надеюсь, Вы понимаете, что, таким образом, отказываете сыну в возможности претендовать на наследство его законного отца?

– Разумеется, – уверенно кивнула она.

Возвращаясь в Людвигслуст в дорожной карете, Надя осознала, что ей предстоит ещё одно испытание – сказать Елене Павловне о своём твёрдом намерении вернуться в Россию.

В замке царило беспокойство. Мимо прошептал придворный доктор, а за ним стрелю промчался его помощник с медицинским саквояжем, Надя не на шутку обеспокоилась и прибавила шаг.

Возле покоев Елены Павловны было столпотворение. Разговаривали шёпотом. Дамы взволнованно теребили в руках батистовые платки. Из комнаты вышел бледный Людвиг и, завидев Надю, бросился к ней:

– Слава Богу, Вы вернулись!

– Что случилось?

Он схватил её за руку и сбивчиво заговорил:

– Она ещё после завтрака почувствовала лёгкое недомогание... Я настаивал, чтобы она прилегла. Но ей захотелось выйти в парк, подышать свежим воздухом. Я, разумеется, не стал возражать... На прогулке она упала в обморок. Так неожиданно, что её не успели подхватить; она скатилась с парковой лестницы! – он не смог сдержать слёзы.

– Она жива? – испугалась Надя.

– Жива. Но до сих пор не пришла в сознание... Доктор сейчас у неё.

Спустя четверть часа доктор Майер появился из покоев пострадавшей:

– Дамы и господа, вы можете расходиться. Смею уверить Вас, что с её высочеством Елены Павловны всё в порядке. Она пришла в себя.

По толпе пронёсся всеобщий вздох облегчения. Доктор обратился к господину:

– Её высочество желает видеть Вас, мой герцог. И Вас, мадам, – последнее обращение относилось к Надежде Алексеевне.

Увидев Елену, Надя едва сдержалась от вскрика; до чего же было пугающее зрелище! Лицо молодой герцогини беспощадно изуродовано ссадинами и царапинами и казалось совершенно неузнаваемым. Помощник доктора Ганс старательно прибинтовывал к руке Елены деревянные плашки.

– Что это? – растерянно проговорил Людвиг.

– Её Высочество сломали руку, – пояснил Майер, – Не волнуйтесь. Молодые кости срастаются быстро. Думаю, что к рождеству Елена Павловна уже сможет делать своей царственной ручкой любые движения. Всё не так страшно; шиповник смягчил падение, хоть и исцарапал лицо. Но, обещаю, что от ссадин не останется и следа. И неземная красота герцогини ничуть не пострадает. При этом ужасном падении Елена Павловна, хоть и нанесла себе увечья, но спасла главное!

Надя с герцогом непонимающе посмотрели на доктора. Тот снял очки и улыбнулся:

– Их Высочество ждут ребёнка, – пояснил он, – Но ему ничто не угрожает. Это просто счастье, что всё так удачно обошлось. Поздравляю Вас, мой герцог!

Людвиг, огорошенный новостью, упал на колени перед супругой и принялся целовать её забинтованные руки.

А Надя, вспомнив о том, что хотела просить у Елены позволения уехать в Россию, с горечью подумала: «Нет, не сегодня...»

*1802 год октябрь
Санкт-Петербург*

Великий князь Константин, оставшись «соломенным вдовцом», предавался забвению, пытаясь утопить в вине раздражение и гнев по поводу не состоявшегося развода.

В страстном желании насолить сбежавшей супруге, он приказал адъютанту Линёву уехать из Петербурга в Европу, чтобы в свете все продолжали думать о том, что связь между ним и Анной Фёдоровной существует. И лично пустил слух, будто бы сама Анна настоятельно велела «любовнику» следовать за нею, так как страстно увлечена и намерена продолжать наслаждаться любовным грехом за пределами России.

Княжна Четвертинская имела строгий разговор с вдовой- императрицей, в котором ей ясно дали понять, что она не должна сметь даже на пушечный выстрел приближаться к великому князю Константину во избежание сурового наказания.

Жанетта притихла, как мышь, и не показывалась на глаза Константину. Иван Линёв мотался за деньги великого князя по Европе. Анна Фёдоровна тихо жила в Швейцарии. А сам Константин продолжал беситься и исторгать огонь, в силу не оправдавшего его надежды плана.

Со смертью бабушки и отца исчезли ежовые рукавицы, в которых те держали нерадивого цесаревича. Поэтому Константин с головой пустился во все тяжкие.

Очень быстро вокруг него образовалась компания кавалергардов-адъютантов, обожающих выпить за чужой счёт, подраться и поблудить по «весёлым» домам. Константиновский дворец превратился в мерзкий притон, где ежедневно собирались собутыльники великого князя, билась посуда, из открытых окон неслись пьяные крики, голосили цыгане, надрывно визжали девицы лёгкого поведения. Впрочем, Константин Павлович не брезговал и сам разъезжать по борделям столицы, где развратничал и дебоширил. Потом адъютанты с трудом находили его бессознательного в каком-нибудь трактире и везли домой. Просыпаясь, великий князь не помнил, где уснул и, частенько, не понимал – где проснулся. А, открывая глаза, снова тянулся к бутылке.

За три месяца беспробудного пьянства Константин Павлович порядком подорвал себе здоровье и, усугубив его ещё букетом венерических болезней, совершенно потерял человеческий облик.

Однажды, совершая прогулку по Невскому в обществе адъютантов-собутыльников в открытой карете, пьяному Константину в образе идущей по обочине молодой женщины привиделись до боли знакомые черты.

– Варвара Николаевна! – воскликнул великий князь, перевалившись за борт кареты, и едва не выпал на мостовую. Приятели в последний момент ухватили его за ноги.

Адъютант Бауэр посмотрел вслед удаляющейся женской фигурке:

– Вы обознались, Ваше высочество. Это мадам Арауж. Я знаю её с детства. Она немка. Живет в доме на Садовой.

Кавалергарды зашумели:

– Аппетитная девица.

– Повезло кому-то.

– Я бы не прочь с такой развлечься...

– Господа! – перебил их Бауэр, отчаянно жестикулируя, – Это невозможно. Она весьма добродетельна и набожна. К тому же вдова. Муж её, банкир Арауж, в прошлом году скончался от чахотки, оставив её с двумя малолетними детьми.

Адъютанты дружно сквасили разочарованные мины. А Константин, хищно заявил:

– Я хочу эту женщину.

– Невозможно, мой господин, – замотал головой Бауэр. Но в следующую минуту ему в грудь упёрся бархатный кошелёк, в котором увесисто звенели монеты (на глаз, рублей пятьсот).

– Я сказал, что хочу эту женщину! – повторил Константин.

Бауэр обалдел. На чаше весов с одной стороны – почти его годовое жалование, а с другой – репутация порядочной женщины, его знакомой.

– Ты что? Хочешь отказать своему господину?! – рассердился великий князь.

– Я ..., – проблеял Бауэр, не сводя глаз с кошелька, – ... Я попробую...

Октябрьским вечером в дом на Садовой позвонил посыльный и сообщил мадам Арауж, что её приятель Бауэр внезапно заболел и просит оказать ему милость, срочно приехать. Карета ждёт у крыльца.

Сердобольная женщина вмиг откликнулась. Не прошло и четверти часа, как она уже ехала по тёмным улицам Петербурга, встревоженная состоянием здоровья друга.

Но, к её разочарованию, карета вдруг выехала за город и понеслась в неизвестном направлении. Когда, наконец, возница остановился, обескураженная женщина не успела опомниться, как подбежавшие двое мужчин в военной форме подхватили её под руки и насильно увлекли во дворец.

Её грубо втолкнули в большую залу, где было жутко накурено. За накрытым столом в пьяном угаре шумели офицеры. Появление хорошенькой женщины произвело бурю восторга. Поднявшийся над всеми великий князь Константин Павлович, походкой хозяина приблизился к застывшей от страха гостье. И на виду у всех, схватив её, жадно поцеловал в губы.

– Что... Вы себе позволяете?! – дрожащим голосом пробормотала женщина, насмерть перепуганная подобным обращением.

«До чего же она похожа на Репнину...», – подумал Константин, «поедая» глазами мадам Арауж, – «Ну, Варвара Николаевна, настал час расплаты. Я отомщу Вам за всё, что мне пришлось отстрадать по Вашей милости...»

И он, легко подхватив даму, перекинул её через плечо, будто поклажу:

– Господа! Приглашаю всех в «зрительный зал» на представление!

И направился в спальню, унося на плече трофей. Толпа пьяных офицеров, возбуждённая поступком командира, ломанулась за ним. За опустевшим столом остался сидеть Бауэр, который дрожащей рукой наливал себе водки и опрокидывал в рот одну рюмку за другой, пытаясь залить остатки тревожной совести.

На следующее утро

Очнувшись от пьяного угара, Константин огляделся, пытаясь определить – где он?... По портьерам, из-за которых едва пробивались предрассветные лучи, великий князь определил, что находится в собственной спальне. Но всё, что далее предстало его взору, заставило содрогнуться. Его покои походили на поле брани, которое ему приходилось видеть в Швейцарском походе через Альпы.

Всюду – на полу, в креслах, рядом на кровати – точно трупы, в беспорядке валялись спящие офицеры. В комнате стоял удушливый запах перегара и чего-то тошнотворного. Константин попытался выбраться из постели и увидел копну разметавшихся русских волос. Моментально вспомнив о мадам Арауж, которую он подло заманил вчера в Стрельну, Константин Павлович искренне изумился тому, что дамочка до сих пор не сбежала, воспользовавшись тем, что её насильники уснули.

Он откинул край одеяла и... остолбенел. Мадам Арауж было похожа на восковую куклу, у которой вывихнуты руки и ноги. А прелестная кожа, казавшаяся вчера нежнее шёлка, была

сплошь из синяков и кровоподтёков. Но самое страшное – это был её подёрнувшийся пеленой стеклянный взгляд, незримо устремлённый на Константина.

Великий князь в ужасе свалился с кровати и завопил на весь дом!

Очнувшиеся собутыльники в ступоре смотрели на окоченевший женский труп в постели и не знали, что делать? Константин Павлович, бледный, как полотно, в истерике жался в угол и неистово кричал:

– Уберите! Уберите её отсюда!!

Дрожащими руками офицеры завернули бездыханное тело в покрывало и унесли в карету. Спяну, не соображая, они отвезли труп на Садовую, к дому мадам Арауж и, оставив его там, на крыльце, в страхе сбежали.

Зимний дворец

Спустя пару часов известие о загадочной и жестокой смерти вдовы Арауж попало в утреннее донесение императору Александру Павловичу.

Прусский посланник, из-за того, что мадам Арауж была прусской подданной, потребовал немедленно начать следствие по этому делу. Александр, искренне соболезнуя, тут же назначил комиссию о расследовании во главе с Гурьевым. Не успел государь закончить все дела, как ему доложили, что в соседнем кабинете его дожидается брат великий князь Константин Павлович. И, судя по состоянию цесаревича, дело очень срочное и важное.

Александр, зная брата, не принял всерьёз подобное заявление. И даже испытал лёгкое раздражение. Но всё же, скрепя сердце, остановил заседание Совета, извинился перед министрами и отлучился.

Увидев Константина, бледного, с трясущимися губами и пахнущего перегаром, Александр брезгливо поморщился:

– Господи, до чего ты допился! Ты в зеркало-то себя видел? – пренебрежительно заметил он, прикладывая к носу батистовый платок.

В ответ брат бухнулся на колени и, хватая императора за ноги, забормотал:

– Саша! Спаси меня! Умоляю! Ради всего святого! Век тебе этого не забуду. Спаси!

Александр оторопел; такое поведение Константина по отношению к себе он наблюдал впервые. Внутри него шевельнулось нехорошее предчувствие. И предчувствие его не обмануло.

Выслушав от брата холодящую кровь историю про несчастную мадам Арауж, Александр в первую минуту ощутил непреодолимое желание собственными руками придушить Константина.

Затем пришло страшное осознание: если эта скверная история всплывёт, то ляжет несмываемым грязным пятном на всю их семью. Ведь он полчаса назад отдал распоряжение министру Гурьеву открыть дело и приступить к расследованию обстоятельств смерти вдовы-немки в доме на Садовой улице. Гурьев далеко не дурак, и вместе со своими молодцами быстро раскопает, куда ведут нити этого преступления.

Императору сделалось дурно. Ослабив воротничок, он провёл дрожащей рукой по лбу и ощутил на нём холодные капли пота. Понимая, что действовать надо как можно быстрее, Александр сухо приказал брату:

– Сиди здесь и не высовывайся.

И размашистым шагом пошёл в свой кабинет.

Министра Гурьева в срочном порядке приказом императора вернули обратно во дворец. Александр Павлович, испытывая бездну неловкости и стараясь не глядеть в глаза, протянул ему кожаный саквояж и, пересохшими от страха губами пролепетал:

– Дмитрий Александрович. Мне необходимо, чтобы в деле о мадам Арауж Вы констатировали смерть от несчастного случая.

Министр перевёл удивлённый взгляд на саквояж. Александр убрал руку с костяной ручки и шёпотом пояснил:

– Здесь двадцать тысяч ... золотом.

Гурьев лишился дара речи, побоявшись даже представить, *что* же может таиться за смертью этой вдовы-немки, если сам император предлагает ему за молчание *такие* деньги! Затем, оклемавшись, уверенно кивнул:

– Понял, Ваше императорское величество. Я сделаю всё наилучшим образом.

Александр вернулся в комнату, где его ожидал брат. Завидев его, Константин, дрожа и приседая, бросился навстречу, заискивающее заглядывая в непроницаемое лицо царственного брата, точно нашкодившая собачонка.

– Ну? Что?!

Александр грубо схватил его за лацканы мундира. Приподнял и встряхнул:

– Сегодня же отправляешься под арест в Гатчинский дворец и носу не показываешь в Петербург до тех пор, пока я лично тебя не приглашу! Понял?!

– П-понял... Понял, – залепетал тот.

– И чтоб никаких адъютантов! Никаких попоек! Никаких женщин! – кричал Александр, багровея лицом.

– Да, да, – отчаянно кивал брат, соглашаясь на все условия.

– Будешь там содержаться под охраной Гатчинского полка. И лечиться под неусыпным надзором докторов, которых я тебе пришлю!

– Да, да, – покорно повторял тот. И вдруг бросился целовать руки государю, – Спасибо, Саша! Я тебе никогда этого не забуду!

– Я тоже никогда тебе этого не забуду! – процедил Александр с выражением брезгливости и добавил, – Кстати! С тебя двадцать тысяч.

2 ноября 1802 года

Санкт-Петербург

В доме Дарьи Михайловны Шаховской второго ноября состоялось долгожданное событие – её дочь, Наталья выходила замуж. Жених – Александр Михайлович Голицын, представитель древнего дворянского рода, нынешний гофмейстер при дворе императора, молодой красавец – был предметом гордости будущей тётки. В свете с опаской и осуждением поговаривали, что Дарья Михайловна, финансовыми вложениями в это предприятие, опрометчиво рискует затмить свадьбы великих княжон Романовых.

Особой гостьей на свадьбе ждали императрицу Елизавету Алексеевну.

Венчание прошло в Троицкой церкви. После венчания все были приглашены на праздничный приём в дом княгини Шаховской.

Вечная соперница и закадычная подруга Анна Даниловна Репнина явилась одной из первых гостей и, старательно скрыв зависть под сладкой улыбкой, в обе щеки расцеловала хозяйку:

– Поздравляю! Как я рада за тебя, голубушка! Наташенька – просто ангел! Я плакала в церкви... – княгиня в доказательство приложила платок к глазам, промокая невидимые слезинки, – Она у тебя умница! Княгиня Голицына – как звучит! Не то, что моя кулёма... и проносить-то стыдно: госпожа Протасина, прости господи.

Княгиня Репнина небрежно перекрестилась и тут же, приободрившись, сообщила:

– Кстати, ты видела, какой фарфоровый сервиз преподнесли в подарок моя Варька со своим?

Анна Даниловна всё ещё хранила обиду на дочь, и зятя пренебрежительно не величала по имени, предпочитая обходиться местоимениями: «он», «свой»...

– Шедевр! – восторженно откликнулась Шаховская, – Просто чудо, а не сервиз! Если бы не знала, что сделано на Москве, не поверила бы. Ни дать-ни взять, европейская работа!

Репнина, удовлетворившись этим, пошла в гостевой зал. Встретив среди гостей Варю со Степаном, отвернулась и, размашисто обмахиваясь веером, поплыла дальше, расточая улыбки и радушные комплименты высокопоставленным особам.

– Матушка Анна Даниловна стыдится нас, – печально сказал Степан, провожая взглядом тещу.

– Ой, не обращай внимания! – отмахнулась Варька, – Смотри! Лёшка! – и она, пренебрегая приличиями светского общества, призывно засемафорила рукой Охотникову.

Тот протиснулся к ним через гостей:

– Варвара Николаевна, не могу не отметить, что Вас положительным образом красит замужество. Вы хорошеете с каждым годом! Наверняка, Вы владеете каким-то секретом.

– Название ему – «любовь», – весело улыбнулась она, – Когда, Лёшенька, ты женишься на девушке своей мечты, ты это поймешь.

– Спасибо. Учту, – усмехнулся Алексей и уважительно пожал руку Степану, – Наслышаны мы в Петербурге о Вашем фарфоровом чуде, Степан Афанасьевич. Не думаете ли перебираться в столицу с таким-то успехом?

– Нет. Но имею задумку о строительстве маленького заводика на Москве, – скромно поделился Степан, порозовев от комплимента, – Думаю взять ссуду в банке.

– Эдак, Вы скоро крупным промышленником станете! – рассмеялся Алёшка и похлопал Степана по плечу.

– А почему ты один, Алёша? Где братец мой ненаглядный? – осведомилась Варька.

– Разве он вам ничего не сообщил?

– Не-ет. А что такое?

– Ну, Сашка! Вот не любит он писать письма! – посетовал Охотников, – Уже больше года, как он пребывает на Кавказе.

– Как на Кавказе?! – опешила Варюха, – Что он там делает?

– Помогает Грузии войти в состав Российской империи. Но учтите, это тайная государственная миссия. Я вам ничего не говорил.

– Там опасно? – Варька сделала страшные глаза.

– Если бы я знал, – развёл руками Алексей.

По залу пробежала возбуждённая волна; гости встrepенулись и потянулись к парадному входу.

– Что происходит? – вытянула шею Варька.

Лицо Алексея озарилось улыбкой:

– Императрица Елизавета Алексеевна, – пробормотал он, – Извините. Я вас ненадолго покину.

Елизавета выразила сердечные поздравления жениху и невесте, поцеловала обоих и лукаво сообщила, что её свадебный подарок находится во дворе под окнами.

Заинтригованные Наталья и Александр Голицыны подошли к окну и... обомлели. Роскошная карета, покрытая белым лаком, инкрустированная золотом, запряжённая шестёркой белоснежных коней стояла у парадного крыльца. Все ахнули – во истину, царский подарок! Дарья Михайловна победным взглядом обвела гостей. Анна Даниловна досадливо закусила губу – везёт же этим Шаховским!

Наталья бросилась благодарить императрицу:

– Ах, Елизавета Алексеевна! Вы так добры! Это невероятно; я не смела о таком даже мечтать. Спасибо. Спасибо! Позвольте мне Вас поцеловать?

– Полно, душенька. Ты же знаешь, как я тебя люблю, – она радушно позволила себя поцеловать и обняла любимую фрейлину, – Довольно о моём подарке. Показывай, что тебе подарили другие. Я ужасно любопытна!

– С удовольствием. Идёмте, я Вам всё покажу! – Наталья повела императрицу в соседний зал, где было скопление подарков молодожёнам от столичной аристократии и многочисленных родственников.

– Боже мой, какая прелесть! – Елизавета остановилась перед фарфоровым сервизом и всплеснула руками, – Какая форма! Какой рисунок! А фактура. Откуда это, Наташа?

– Это подарок от моей подруги Варвары Протасиной. Они с супругом держат на Москве посудную лавку.

– Ты хочешь сказать, что вот эдакие чудеса делают у нас в Москве?! – поразились Елизавета, – И я об этом ничего не знаю? Кто такая, Варвара Протасина?

– Она... здесь вместе с супругом. Я могу их Вам представить?

– Наташа, ты обязана их мне представить!

– Хорошо, Ваше величество, – Наталья обернулась к супругу, – Алексис, немедленно найди Алёшу и попроси его привести сюда Варю со Степаном. Он их знает.

Степан с Варей предстали перед государыней и почтительно поклонились. Алексей Охотников скромно встал в сторонке.

– Господа, это, в самом деле, произведение Вашей мануфактуры?

– Да, Ваше императорское величество, – ответила Варька, так как Степан в присутствии императрицы оробел, – Мой супруг держит лавку в Москве на Дмитровке. Да вот, извольте сами видеть, – Варюха взяла тарелку и перевернула доньшком кверху, – Вот. Наше фамильное клеймо: «Протасинский фарфор».

– Действительно, – Елизавета внимательно посмотрела на вензель, – Поверьте, я разбираюсь в хорошей посуде. И должна сказать, что подобная работа сравнима разве что с умельцами из далёкого Китая, чьё мастерство ещё никто не превзошёл.

Степан от комплимента порозовел до самых мочек ушей.

– Я желаю сделать Вам заказ, – сообщила императрица, – Столовый набор на сорок персон. Чтобы преподнести его в подарок императору в день его рождения двенадцатого декабря.

Те испуганно переглянулись. Варька вновь проявила смелость:

– Извините, Ваше императорское величество. Но это очень короткий срок. На этот сервиз ушло два с половиной месяца, а он всего лишь на двадцать персон.

– Сколько рабочих трудилось над ним? – деловито поинтересовалась императрица.

– Формы ваял мой муж лично с двумя подмастерьями, – созналась Варька, – А роспись делала я сама. Правда, у меня в помощниках был один наш крепостной художник.

Елизавета поразились:

– Как?! Вы лично?!

– Я занималась этим у себя в поместье. А в Москве у нас при лавке цех, где два кузнеца и четверо подмастерьев. Один художник. Мы ещё не достаточно расширили наше производство, чтобы нанимать много рабочих.

– Это невероятно! Создавать такое волшебство и не иметь достаточного оборудования и рабочих рук!

– Мы рассчитывали взять ссуду в банке на строительство небольшого заводика, – робко пояснила Варя.

– Обойдёмся без банка, – возразила Елизавета, – Жду вас завтра к полудню у себя в резиденции Каменноостровского дворца, чтоб обсудить подробности моего заказа...

Взгляд императрицы скользнул в сторону, за спиной невесты она увидела Охотникова... и миг позабыла обо всём. Наталья тут же рекомендовала:

– Ваше Величество, позвольте представить Вам моего двоюродного брата: поручик кавалергардского полка Охотников Алексей Яковлевич.

Елизавета вдруг испытала лёгкое смущение:

– Мы... знакомы. Здравствуйте, Алексей Яковлевич, – и протянула руку для поцелуя.

Лёшка благоговейно приложился губами к её руке. Наталья, не растерявшись, быстро предложила:

– Елизавета Алексеевна, Вы не будете возражать, если Алексей Яковлевич позволит себе сопровождать Вас к столу?

Императрица мельком взглянула на поручика:

– Напротив, я буду ему весьма признательна.

Алексей был на седьмом небе от счастья. Вытянувшись во фрунт, он галантно предложил государыне руку. И они не спеша направились в столовую.

– Я и не знала, Алексей Яковлевич, что Вы приходите родней моей любимой Наташи, – тихо произнесла Елизавета.

– Да, – вымолвил Лёшка, чувствуя головокружение от её духов. Подумать только! Он ведёт ЕЁ под руку!

– Прошлый раз нас перебили; мы не закончили разговор.

– Да, – опять однозначно ответил он.

– Признаюсь, Вы меня озадачили; до сих пор не могу поверить, что Вы тот самый мальчик, которого мы с Дороти встретили по дороге в Петербург десять лет назад.

– Да.

– Мне очень дороги те воспоминания; я была в последний раз рядом с любимой сестрой. Мы обе были юны и наивны. Ехали в чужую страну, мечтали о прекрасном принце и ни о чём не догадывались. Я была так счастлива...

Он удивился:

– Неужели Россия сделала Вас несчастной?

Елизавета ничего не ответила, лишь отвела взгляд.

На следующий день

Каменноостровский дворец

Императрица выложила на стол увесистую стопку бумажных банкнот и сообщила:

– Здесь десять тысяч рублей. Надеюсь, этого хватит, чтобы начать строительство небольшого собственного завода? Степан Афанасьевич?

– ...Более, чем, – пробормотал потрясённый Степан, не веря своим глазам и робко поинтересовался, – Простите, Ваше императорское величество, на какой срок Вы предоставляете нам эту ссуду?

– Вы меня не поняли, – возразила Елизавета, – Я не даю Вам в долг; я делаю благотворительный взнос в Ваше предприятие, господин Протасин.

И, увидев, как в изумлении вытянулись их лица, добродушно улыбнулась:

– Я, как императрица, обязана совершать подобные вложения, дабы поддержать предприятия, способствующие процветанию нашей могущественной державы. Берите. И стройте фарфоровый завод. Закупайте печи и необходимое оборудование. Обучайте крепостных. Нанимайте рабочих. Всё, что я потребую, так это Ваших регулярных сообщений о продвижении строительства. А, когда будете проводить открытие Вашего предприятия, не забудьте пригласить.

– Спасибо, Ваше императорское величество! Вы так великодушны!

– Серьёзные дела требуют серьёзных подходов. Может быть, у вас есть ко мне ещё какие-то просьбы?

Варька тихонечко толкнула локтем Степана. Тот покраснел и робко проронил:

– Ваше величество... осмелюсь просить... если это возможно... я мечтал бы побывать на мануфактуре господина Гарднера в Московской губернии Дмитровского уезда... в селе Вербилки. И поучиться мастерству фарфоровой скульптуры и росписи у его знаменитого художника Кестнера.

– Почему у него?

– Не подумайте, я не намереваюсь составлять конкуренцию изделиям Вашего Императорского фарфорового завода, – предупредительно заявил Стёпа, – У меня есть намерение предметами из фарфора обеспечить сословие пониже. Сделать фарфоровую продукцию доступную купцам и мелким дворянам.

– Мне нравится Ваше стремление. Я немедленно отпишу прошение от себя лично господину Францу Гарднеру с просьбой удовлетворить Ваше желание взять несколько уроков у Кестнера. И чтоб он лично ознакомил Вас с технологией в цехах его знаменитой мануфактуры в Вербилках.

– О, Ваше величество! – выдохнул счастливый Степан, – Вы бесконечно добры!

– Что ж, если это всё, что я могу для Вас сделать, то давайте обсудим мой заказ. Мне хотелось бы сделать императору подарок в виде столового сервиза на сорок персон.

Тут Варька деловито взяла инициативу на себя:

– Елизавета Алексеевна, я ночью сделала несколько эскизов. Извольте ознакомиться, – и она протянула императрице кожаную папку с грифельными набросками.

Елизавета увлечённо просмотрела все варианты и уверенно ткнула пальчиком:

– Вот. Это будет очень достойно.

– Прекрасный выбор. Теперь следует определиться с рисунком, – Варюха по-приятельски, присела подле императрицы и принялась рассказывать, – Я подумала, что следует руководствоваться тремя темами: первый – подарок будет для императора, второе – это будет подарок для мужчины, и третье – подарок будет любимому мужчине от любящей женщины.

– Продолжайте, Варвара Николаевна...

– Если мы выберем первую тему, то на посуде могут быть какие-то атрибуты власти; корона, скипетр, герб и тому подобное.

– Нет, – Елизавета помнила, с какой тяготой относится Александр к своему монаршему положению, – Это не подходит.

– Хорошо. Возьмём вторую тему – сделаем подарок просто мужчине. Например, это будут сцены из охоты или виды оружия. Можно выполнить костюмированные изображения офицеров различных полков.

– Александр не любитель охоты. А плац-парадов он насмотрелся до тошноты.

– Тогда подарок любимому мужчине от любящей женщины, – не сдавалась Варька, – Можно изобразить что-либо такое, что символизирует Ваши отношения, о чём знаете только Вы вдвоём.

Елизавета задумалась, но так и не смогла ничего вообразить. Ей стало досадно —неужели у них с Александром нет ничего, что бы символизировало их любовь? А разве можно назвать любовью то, что происходит между ними? Уже полтора года его не было в её спальне...

Варька, сделав вид, что не заметила её конфуза, сама пришла на помощь:

– Например, это могут быть виды каких-то мест, где Вы любите бывать вдвоём. Скажем, Таврический дворец или парк Петергофа.

– Да, – встрепенулась Елизавета, благодарная за подсказку, – Это могут быть виды Петербурга, связанные с жизненными этапами Александра. Для начала – Александрова дача; местечко, где он провёл своё отрочество. Затем Гатчина и Павловск – это дорогие ему места,

связанные с родителями. Потёмкинский дворец – там мы впервые увидели друг друга. А ещё Царское село – там мы жили каждое лето в царствование Екатерины Алексеевны.

– Прекрасно! Для начала сделаем эскизы. Правда, ума не приложу, как охватить всю эту натуру?

– Нет ничего проще, – заявила Елизавета, – Вы останетесь в Петербурге. И займётесь эскизами, пока Степан Афанасьевич будет занят созданием предметов сервиза на Москве.

В лице супругов Протасиных промелькнул испуг, но императрица не поняла, чем они озадачились:

– Вы зря волнуетесь. Я помещу Варвару Николаевну во дворце рядом со своими покоями. Обеспечу всем необходимым— кисти, краски, мольберт... что ещё? Ах, да! Выделю в её распоряжение карету, чтобы быстро и беспрепятственно передвигаться. Назначу ей охрану, сопровождающего, и дам в помощь придворных учеников-живописцев.

– ... Полагаю, недели две, – прошептала Варька, – А как же Софья?

– Кто это, Софья?

– Это наша дочь. Ей полтора года.

Услышав о ребёнке, Елизавета умилённо всплеснула руками:

– Привозите её сюда! Я побуду с Вашей девочкой. Я обожаю детей!

– Спасибо, Ваше величество. Но я предпочту, чтоб Софья осталась дома, – смело возразила она, – Там она под присмотром бабушки, Ксении Дмитриевны; и я спокойна. А возить ребёнка из Твери в Петербург зимой я опасаясь; извините.

Елизавета согласилась.

– И ещё; охрана и художники – это лишнее, – сказала Варя, – А вот карета не помешает. И назначьте мне в сопровождающие поручика Охотникова.

– ... Откуда Вы его знаете? – невольно вырвалось у императрицы.

– Он – двоюродный брат моей подруги Натальи. И близкий друг моего брата. Лёшка – замечательный! Он добрый и внимательный. И заботливый. С ним я буду, как за каменной стеной.

– Да и мне было бы спокойней на душе, зная, что моя Варя под присмотром Алексея Яковлевича, – подал голос Степан.

– Нет ничего проще! Сегодня же отпишу генералу Уварову, чтобы прислал Охотникова в Ваше распоряжение, – согласилась императрица.

1802 год ноябрь

Мекленбург, Людвигслуст

Доктор Майер снял повязку с руки Елены Павловны и попросил:

– Пошевелите пальчиками Ваше высочество.

Елена весело изобразила движение, будто пробежалась по невидимой клавиатуре фортепьяно.

– Отлично, – улыбнулся доктор, – Теперь поворачивайте кистью. Согните в локте.

– Ой! – пискнула Елена, испытыв испуг оттого, что что-то хрустнуло в суставе.

– Ничего, ничего, – утешил её Майер, – Это с непривычки. Всё у Вас срослось наилучшим образом. Теперь лишь придётся некоторое время разминать руку.

– Спасибо, доктор.

От царапин на лице уже не осталось и следа, и герцогиня Мекленбургская вновь радовала глаз нежной красотой.

Доктор Майер удалился, а Елена, сделав несколько неуверенных движений рукой в качестве разминки, весело взглянула на Надю:

– Ну, вот, я почти, как новая! – и, заметив печать грусти на лице подруги, не выдержала, – Да что с тобой?

Она взяла Надю за руки и насильно усадила рядом:

– Рассказывай уже; не могу больше смотреть на твои молчаливые страдания. Что тебя гложет? Я давно не вижу, чтоб ты улыбалась. Мы же с тобой всегда доверяли друг другу. Что случилось?

– Я... давно хочу тебя попросить кое о чём. Но не решаюсь.

– Вот чудачка! – удивилась Елена, – Разве я тебе в чём отказывала? Проси, я всё для тебя сделаю. Смелее!

Окрылённая таким авансом, Надя выпалила:

– Отпусти меня в Россию! Насовсем!

И, увидев, что княгиня вот-вот готова расплакаться, торопливо заговорила:

– Елена, милая. Прости! Я очень люблю тебя. Ты больше, чем подруга; ты мне почти сестра. Мне больно с тобой расстаться. Ну, пойми меня! Не могу я больше жить здесь! Я не могу без него! Отпусти меня, пожалуйста! Иначе я с ума сойду!

– Твоего Чернышёва нет в Петербурге, – вдруг тихо проронила она.

Надя осеклась:

– Как нет? Откуда тебе известно?

– Я попросила сестру Марию разузнать о местонахождении императорского адъютанта Чернышёва. Вот. Сегодня с утренней почтой я получила от неё ответ. Но не успела тебе сообщить. Он на Кавказе.

– Почему на Кавказе?

– Он состоит адъютантом при главнокомандующем в Тифлисе.

Надя в растерянности опустила руки.

– Надюша, милая! – взмолилась Елена, – Побудь со мною до весны. Вот я к масленице рожу; а там, глядишь, что-то разрешится. Вернётся твой Чернышёв в Петербург. И поедешь к нему. Обещаю, я тебя отпущу!

1802 год ноябрь

Санкт-Петербург

Каменноостровский дворец

Варя сидела в покоях Елизаветы Алексеевны в ожидании оценки эскизов, сделанных на Александровской даче и в Царском селе. Охотников стоял чуть поодаль и делал вид, что рассматривает гобелен с изображением сцены Полтавской битвы. Сам то и дело украдкой поглядывал на Елизавету.

– Прекрасно. Мне очень нравится вот этот, – императрица вытянула лист и протянула Варьке, – Если сюда добавить позолоты, будет великолепно смотреться на белом фарфоре.

– Согласна, – кивнула Варька, – Только почему обязательно на белом? Ваше величество, мне пришла мысль – а давайте сделаем сервиз чёрным? – и, видя недоумение в лице государыни, поспешила уточнить, – Только представьте! Чёрный благородный цвет с бархати-сто-матовым оттенком. А на нём в белом овале – пейзаж, окаймлённый золотом. А на крышечках сделаем ручку в форме короны Российской империи. И от неё – фрагмент горностаевой мантии... А?

– Неожиданно! Мне нравится! – призналась Елизавета и столкнулась взглядом с Охотниковым, – А, что Вы думаете, Алексей Яковлевич?

– Полностью согласен, Ваше императорское величество, – ответил тот, беззастенчиво «поедая» государыню влюблёнными глазами.

Елизавета с трудом оторвала взгляд от молодого человека и вернулась к эскизам:

– Я предлагаю вот этот рисунок поместить на супницу. Этот – на сливочник, а этим – украсить глубокие тарелки. Алексей Яковлевич, распорядитесь от моего имени, – и она протянула Охотникову выбранные эскизы с пометками, сделанными её царственной рукой, – Чтобы их отправили незамедлительно в Москву господину Протасину.

Лёшка послушно взял папку с рисунками и, откланявшись, удалился.

– Ваше величество, завтра мы с Алексеем едем в Гатчину, – напомнила Варька, – Будут у Вас пожелания по поводу выбора Гатчинских пейзажей?

Она усмехнулась:

– Что там выбирать? Сделайте эскиз фасада Гатчинского дворца с плацем – это будет достойно памяти о Павле Петровиче, – и вдруг спохватилась, – Чуть не забыла; не задерживайтесь в Гатчине и не проникайте внутрь дворца.

– А что такое?

– В настоящее время там пребывает великий князь Константин Павлович, – и Елизавета, понизив голос, уточнила, – Он содержится под домашним арестом.

За время короткого пребывания в Петербурге, Варя была наслышана столичных сплетен по поводу скверной истории, в которой был замешан Константин. Говорили, что пострадала женщина, иностранка. История передавалась шёпотом в страхе быть услышанной, и оттого обростала какими-то чудовищными подробностями.

– Ваше императорское величество, могу я обратиться к Вам с просьбой?

– Конечно.

– Позвольте мне нанести неофициальный визит Константину Павловичу.

– Зачем Вам это нужно?!

– Возможно, это нужно больше самому Константину Павловичу.

Елизавета от растерянности застыла:

– Вы с ним знакомы?!

– Я некоторое время жила в Стрельне, в штате великой княгини Анны Фёдоровны.

– О чём же Вы намерены говорить с великим князем?

– Простите Ваше Величество. Не сочтите за обиду, но я не могу Вам этого сказать.

1802 год ноябрь

Гатчина

Алёшка уложил в папку сделанные Варькой эскизы Гатчинского дворца и забросил в карету тяжёлый мольберт и саквояж с красками. Отряхнул снег с Варькиного воротника и осторожно поинтересовался:

– Может, передумаешь? Не пойдёшь?

Она упрямо покачала головой:

– Нет, Лёш, пойду.

Варюха остановилась перед преградившим ей дорогу конвоиром:

– Я с визитом к великому князю Константину Павловичу, – сообщила она.

Гатчинский лейтенант с нескрываемым любопытством покосился на неё; это был единственный визитёр за два месяца пребывания великого князя под конвоем.

– Не положено, – лениво заявил он.

Варька вытянула из муфты свернутый трубочкой лист:

– У меня разрешение от Её императорского величества.

Конвойный развернул документ, с интересом пробежал его глазами. Затем ещё раз сморил подозрительным взглядом посетительницу:

– Ну, ... идёмте.

Варя засеменила за лейтенантом по лестнице вверх. У покоев великого князя они оставались. Офицер приоткрыл дверь. Вяло обратился к Варьке:

– Как доложить?

– Госпожа Протасина, – представилась она.

– Ваше высочество. К Вам госпожа Протасина. Просит аудиенции. При ней разрешение от государыни Елизаветы Алексеевны.

– Кто такая?! – услышала Варька раздражённый голос Константина.

– Не знаю, – пожал плечами лейтенант.

Варька настойчивым движением руки отодвинула его в сторону и вошла в покои:

– Это я, – сообщила она без излишних церемоний и аккуратно прикрыла двери, оставив караульного снаружи.

Константин Павлович в замешательстве замер, приглядываясь к незваной гостье:

– Варвара Николаевна? – прошептал он и тут же усомнился, – Нет. Откуда же Вам здесь взяться? – и вдруг озарился новым предположением, – Мадам Арауж?!!

Вымолвив это, великий князь смертельно побледнел и шарахнулся назад. Натолкнувшись на маленький столик, опрокинул его, запнулся, едва не упал. И в страхе забился за тяжёлую бархатную портьеру.

– Уходите! – застонал он оттуда, – Заклинаю Вас! Оставьте меня. Не мучайте... Довольно. Я не хотел! Не хотел!!!

Из-за портьеры послышались глухие всхлипывания.

Варька была обескуражена. Она, конечно, не рассчитывала на то, что Константин будет сыпать любезностями, но такого уж и вовсе не могла предположить! В голову неминуемо закрадось смутное сомнение: а не сошёл ли великий князь с ума?

Она взяла себя в руки и уверено направилась к месту, где скрылся негостеприимный хозяин. Отдёрнула ткань и увидела сидящего на полу Константина; он сжался в комок и выставил вперёд руки, точно ребёнок пытающийся защититься от воображаемого монстра.

– Что с Вами? – недоумённо произнесла Варя.

– К-кто В-вы?... – проблеял, заикаясь, тот.

– Вы что, меня не узнаете? Это я, Варвара Николаевна. В девичестве княжна Репнина.

– Варвара Николаевна? – переспросил он шёпотом, – Это правда, Вы?! Вы?

– Я, – убедительно кивнула она.

– Варвара Николаевна! – он вдруг бросился к ней в ноги, обхватил обеими руками колени, и разревелся в голос, – Варвара Николаевна! Простите меня! Простите, ради бога! Я – ничтожество. Полное ничтожество! Я же... Я же... Я же убил Вас!

– Эко Вас скрутило-то, – покачала головой Варька, – Дайте-ка, я Вам водички принесу. Пустите.

И она, высвободившись от его рук, прошла к столику, где стоял графин с водой. Наполнила стакан и вернулась:

– Константин Павлович, Вы бы встали с пола. Нехорошо. Не подобает. Вот так.

Она усадила трясущегося цесаревича на диван и сама присела рядом, выпоив ему из своих рук весь стакан воды. Затем ладошкой аккуратно пригладила на его лбу растрепавшиеся белокурые вихры, приговаривая:

– Что ж Вы так себя распустили-то, Ваше высочество?

– В-варвара Николаевна... Варенька, – забормотал он, всхлипывая и целуя ей руки, прижимая их к мокрым от слёз щекам, – Душенька. Как же я рад видеть Вас, единственная моя! Ох, как же мне плохо, Варенька! Я запутался. Я не знаю, как мне дальше жить. Я скатился в пропасть. Я – преступник, я – убийца! Я сквернейший на земле человек!

– Неправда! – холодно и строго перебила она его.

Он от неожиданности перестал реветь и уставился на неё.

– Что это Вы вздумали себя жалеть да оплакивать, как вздорная баба?! – безжалостно залепила ему Варюха, – Ведь Вы прошли всю Италию вместе с Суворовым. Так?

– ...Д-да, – пролепетал Константин, неожиданно задумавшись.

– И Швейцарию! И суровые Альпы!

– Да, – подтвердил великий князь, внутренне подбираясь и преображаясь на глазах.

– И Чёртов мост! – продолжала Варька, – И Сен-Готард... И Ринген-Копф!

После каждого её слова Константин Павлович распрямлялся точно сдутая резиновая кукла, в которую снова накачивали воздух.

– Разве Вы, герой войны, имеете право раскисать, точно прелая квашня?!

Цесаревичу показалось, что в голосе Варьки сейчас прозвучали нотки самого фельдмаршала Суворова. И он поспешно застегнул пуговицы на мундире:

– Вы правы, Варвара Николаевна. Тысячу раз правы! Я позволил себе бессовестным образом позабыть о воинской чести. Я был сражён известием о Вашей свадьбе. Понял, что потерял Вас навсегда. Решил, что никогда более никого так не полюблю и никем не смогу быть любим; и опустил, даже оскотинился.

– Ну, полно! – оборвала она его и погладила по руке, – Константин Павлович, послушайте меня. Я верю в то, что у каждого человека на земле есть его половинка, его настоящая любовь. И у Вас она тоже есть. Она – милая, добрая, светлая. И она ждёт Вас и хочет полюбить. И Вы, увидев её, обязательно полюбите. Просто Вы её ещё не встретили.

– Вы так считаете?! – поразился до глубины души Константин.

– Я уверена. Но, помните, сударь, настоящую любовь надобно заслужить. А, если Вы будете продолжать вести подобный образ жизни, она пройдёт мимо и не узнает Вас.

– Разве это возможно? – робко спросил он, – Разве можно меня полюбить?! Ведь я...

– Вы смелый, – перебила его Варя, – Вы храбрый солдат. Вы можете быть настоящим преданным другом; должно быть, Иван Щербатов знал это. Вы способны искренне и самоотверженно любить. Я это знаю.

Константин Павлович растрогался:

– Спасибо! Спасибо Вам, Варвара Николаевна, – он схватил её руки и стал осыпать их поцелуями, – Я так Вам благодарен за эти слова! Вы – удивительная женщина. Вы сами не представляете, что Вы сейчас сделали! Вы меня просто спасли. Вы вернули меня к жизни!

Варька весело, вприпрыжку, подбежала к карете и запрыгнула внутрь.

– Ну, слава богу! – выпалил Алексей, стуча зубами от холода, – Я уже начал беспокоиться. Видела великого князя?

– Видела.

– Поговорила?

– Поговорила, – радостно кивнула она.

– Всё хорошо?

– Да всё хорошо, всё! – заверила его Варька, – Не ёрзай! Поехали уже в Петербург, к ненаглядной Елизавете Алексеевне.

– А чего это вдруг «к ненаглядной»? – опешил Лёшка.

Варька лукаво ткнула его в бок локтём:

– Да, ладно! Будто сам не замечаешь?! Ух, как она на тебя смотрела перед нашим отъездом! – и Варька артистично закатила глаза.

Лёшка вспыхнул до корней волос:

– Чего это ты выдумала?

– Уж поверь мне. Смотрела-смотрела!

Алексей неожиданно призадумался и осторожно поинтересовался:

- Варь? ... правда, смотрела? Или ты шутишь?
- Она в ответ озорно погрозила пальцем:
- Ой, гляди в оба, Лёшка! Пропадёшь.

11 декабря 1802 года

Камменоостровский дворец

Красавец-сервиз стоял в покоях императрицы, переливаясь позолотой и изумляя причудливостью лепных крышечек в виде императорской короны с кусочком горностаевой мантии. Бархатисто чёрный цвет с налётом матовой дымки, такой несвойственный фарфоровой посуде, поражал воображение; было трудно устоять перед искушением – взять какой-то предмет в руки и погладить. Не говоря уже о том, что каждую тарелку хотелось долго рассматривать.

Елизавета, исполненная восторга, гладила пузатую супницу, разглядывала тарелки, и не переставала повторять:

– Боже мой... Какая прелесть! Какое чудо!

Варька стояла в сторонке и с гордостью ощущала, как за спиной «растут крылья».

– Отчего же Степан Афанасьевич сам не приехал? – сокрушённо произнесла императрица, – Я бы лично расцеловала его в обе щеки!

– Он излишне скромн, Ваше императорское величество, – пояснила Варька.

– Надеюсь, Вы с ним будете присутствовать завтра в Зимнем дворце на торжественном балу в честь дня рождения императора?

Варька состряпала виноватую мину:

– Елизавета Алексеевна, не извольте гневаться, увы.

– Как?! – ахнула она, – Почему?! Вся столица, все иностранные гости будут завтра в Зимнем, чтобы засвидетельствовать своё почтение государю в день его двадцатипятилетия! Нет, я решительно настаиваю на Вашем присутствии!

– Помилуйте, Ваше величество, – взмолилась Варюха, – Я рассчитывала нынче же отбыть в Дубровицы; я уже неделю, как не видела дочь и не проводила время с мужем!

«Уже неделю», – саркастично фыркнула про себя Елизавета, – «Интересно, сколько же я не видела своего? Если не считать мимолётных встреч где-то на торжественных приёмах, то... уже месяцев пять. Да, последний раз мы были вместе на прогулке в августе, когда мадам Нарышкина оттеснила меня, чтобы нагло вклиниться между мной и Александром». Она, завистливо вздохнув, обратилась к Протасиной:

– Вы с супругом так любите друг друга?

– Да, Ваше величество! Мы просто жить друг без друга не можем.

– Неужели так бывает? – прошептала Елизавета, – И всё же, почему Вы не хотите приехать завтра на бал вместе со Степаном Афанасьевичем? Я уверена, император захотел бы выразить ему благодарность за мастерство.

Варюха замялась:

– Если честно... Ну, только между нами, Стёпа смущается светского общества.

– Отчего? Они с семьёй редко выезжали в столицу?

– Они вообще не выезжали в столицу. Мать его умерла после родов, а Степан всю свою жизнь провел в деревне; его отец – управляющий в нашем поместье.

– Разве Степан Афанасьевич не князь?!

– Нет.

– Граф?

– Нет.

– Барон?

– Нет.

– Неужели Вы хотите сказать, что он и не дворянин? – растерялась императрица.
– Да, – кивнула Варька, – Отец Степана – внебрачный сын московского вельможи Вельяминова. А мать – из московского купеческого рода Лузгиных.
– Не понимаю, как же княгиня Репнина, позволила ему жениться на Вас?
– А кто Вам сказал, что она позволила? – усмехнулась Варюха.
– Не может быть! – Лиз потрясённая подседа ближе уже, не как императрица, а как подруга, – Вы что же, обручились без её благословения?!
– Ага. Мы тайком обвенчались в одной деревенской церкви. А на следующий день только рассказали обо всём отцу Степана и моей тетушке Ксении Дмитриевне. А уж Анне Даниловне сообщили и того позже! Боже, какой был скандал! Матушка дала разгон всем – и мне, и Афанасию Кузьмичу со Степаном, и Ксении Дмитриевне досталось на орехи! Да чего там! Она до сих пор с нами не разговаривает.

Елизавета увлечённо слушала, и у неё дух захватывало от Варькиного рассказа:

– Как же Вы на это решились?! Ведь Вы – продолжательница древнейшего княжеского рода; и, наперекор всем, вышли замуж за безродного?

– Я его люблю! – призналась Варька, – Только его единственного! И никого другого мне не нужно – ни князя, ни заморского короля!

– Я Вам завидую, Варвара Николаевна, – вдруг призналась императрица.

– Вы?! ...Мне? – поразилась Варька.

Елизавета поспешно встала и, пряча лицо, отошла вглубь комнаты. Затем вернулась, держа в руках бархатный мешочек, стянутый тесьмой, и протянула Варю:

– Я хочу сделать Вам подарок. Вернее, Вашей маленькой дочке Софье.

– Что это?

– Это игрушки моей несчастной Марии. Они очень красивые и дорогие. Она даже не успела ими поиграть. Всё равно они валяются без дела. Мне будет очень приятно, если они доставят удовольствие какому-то другому ребёнку. Возьмите.

Варька была тронута:

– Ваше величество, может быть, Вы передумаете? Ведь у Вас же будут ещё дети.

Она неловко улыбнулась:

– Разве что от Святого Духа?... – и, почувствовав неловкость, начала прощаться, – Варвара Николаевна, знайте; если Вы или Ваш супруг будете волей случая в столице, я непременно желаю видеть Вас у себя в гостях!

– Спасибо, – Варька отвесила государыне поклон по старой русской традиции.

– И ещё, – продолжила императрица, – Оставьте мне все Ваши эскизы, даже те, что оказались не выбранными для сервиза. Они очень хороши. И я хотела бы сохранить их на память.

– Ой, да конечно! – радушно согласилась Варя, – Я попрошу Алексея Яковлевича их Вам принести после того, как закончится празднование дня рождения императора.

12 декабря 1802 года

Дом князя Д. Л. Нарышкина

Мария Антоновна Нарышкина разомлевшая от страстной неги, встала с постели, небрежно набросив полупрозрачный пеньюар, и присела на бархатный пуф перед зеркалом, начала приводить себя в порядок.

Из-под вороха постельного белья вынырнуло блаженное лицо Платона Зубова:

– Ох, Мари! Ну и хороша же ты, чертовка! – пробормотал он, широко зевая.

– Хватит валяться! – грубо отозвалась она, – Вставай и живо собирай манатки. У меня мало времени.

– Что так? – обиженно оттопырил губу Зубов, – Неужели наш муженёк-толстячок вздумает поутру посетить спальню дорогой жёнушки-лебёдушки?

– Дурак ты, Платошка, – отрезала она ему, – Причём тут муж? Его императорское величество может нагряться с минуты на минуту. Ты что забыл, что у него сегодня день рождения?

– И что? Он придёт к тебе спозаранку за своим подарком? – язвительно захихикал Зубов, демонстрируя движением, что он имел в виду под словом «подарок». Ему тут же прямо в лицо прилетели камзол и штаны.

– Я сказала: одевайся живо! – гневно приказала Нарышкина.

Платон заткнулся и, насупившись, начал толкать ноги в штанины. Напялив штаны и рубашку, он встал за спиной у Марии Антоновны, положив руки ей на плечи:

– Скажи, Мари, почему ты спишь со мной? Ты ведь фаворитка императора; у тебя итак есть всё, стоит только бровью повести. Зачем я тебе? Я ведь нынче уж не в чести у государя. Только не лги мне про любовь; тебе неведомо это чувство.

Мария раздосадовано дёрнула плечами в ответ. И начала интенсивно наносить круглой пуховкой пудру на лицо. Зубов криво усмехнулся:

– А может, тебя не устраивает государь-император, раз ты ищешь развлечений на стороне? А?

Нарышкина рассердилась:

– Не твоё дело! – и вдруг поперхнулась и побледнела. Испуганно прикрыла ладонью рот.

– Что с тобой? – испугался Платон.

Она тяжело задышала, обмахиваясь руками. Зубов засуетился:

– Водички?

Нарышкина кивнула. Любовник метнулся и подал ей стакан. Мария Антоновна осушила его мелкими глотками и тяжело вздохнула.

– Что с тобой? Ты не захворала часом?

Она взглянула на его отражение в зеркале и, подумав, осторожно призналась:

– ... Я беременна.

– Вот так сюрприз! – фыркнул Зубов, – И от кого? От меня? Или от императора? А, может, ты ещё с кем-нибудь спишь в наше отсутствие?

– Какая тебе-то разница – от кого? – буркнула Мария Антоновна, – У меня есть законный супруг, а, значит, у ребёнка будет законный отец.

– Это само собой, – важно поддакнул любовник, – Но всё же. Кому ты отдашь предпочтение записаться в отцы? Хотя, постой! Кажется, я догадываюсь. Это и есть тот самый подарок, что ты собиралась преподнести сегодня нашего имениннику? Ха-ха!

И Платон язвительно расхохотался. Нарышкина раскрыла рот, чтоб выдать в его адрес какую-то гневную тираду, но в этот момент раздался осторожный стук в дверь, и голос камеристки предупредительно сообщил:

– Госпожа, Его императорское величество пожаловали!

Мария Антоновна подскочила, будто ужаленная и зашипела на любовника:

– Дождался?! Аспид...

Платон Зубов вмиг растерял бравурность и заметался по комнате в поисках укрытия. Нарышкина распахнула дверь туалетной комнаты и скомандовала:

– Живо!

– Ты уверена, что он сюда не войдёт? – проблеял испуганно Платон, судорожно хватая в охапку свой мундир, зимний плащ и шляпу. Он забился в отведённое ему убежище и в последний момент заметил валяющиеся возле кровати сапоги:

– Сапоги! – сдавленно выкрикнул он.

Мария Антоновна лихо подхватила их с пола и швырнула в Платона. Те упали, глухо ударившись каблуками о мраморный пол. Одновременно за спиной хозяйки прозвучал голос императора:

– Что за шум у тебя в спальне, милая?

Зубов спешно затворил дверь туалетной комнаты, а Нарышкина нарочно уронила стул, который с грохотом упал на паркет. И обернулась навстречу Александру Павловичу:

– Ах, Алекс. Я нечаянно уронила стул... Боже мой! Как ты сегодня великолепен!

Он смущённо потупил взор;

– Что я? Вот ты хороша, так хороша! Даже утром спросонок...

– Нет-нет! Подожди. Речь не обо мне. Сегодня твой день. Я хочу поздравить тебя с днём рождения. Надеюсь, я буду первая, кто тебя поздравил?

– Разумеется.

– Но, прежде, чем я сообщу тебе о моём скромном подарке, я желаю поцеловать моего императора. Самого прекрасного в мире. Самого желанного и красивого. И только моего! Правда?

Платон Зубов в туалетной комнате поморщился. Как ему это всё знакомо до оскомины! Он сам сотни раз прибежал к этому способу с государыней Екатериной; возносил до небес и пел дифирамбы, дабы скрыть от ревнивой старухи свой тайный блуд на стороне. А плутовка-Нарышкина умеет это делать ничуть не хуже его.

Платону стало скучно. Он постелил на пол плащ, устроился поудобнее и широко зевнул.

1802 год сентябрь-декабрь

Картли-Кахетия

Попытка Тучкова с Лазаревым прорвать осаду Ларского ущелья, чтобы вырвать Кнорринга из вражеского кольца, не увенчалась победой. Единственное, что им удалось, это на некоторое время отвлечь внимание врага на себя. Воспользовавшись этим обстоятельством, Кнорринг успел отправить посыльного, который юркнул в единственный лаз, служащий выходом из ущелья, и незамеченным пробрался к Моздоку.

Командование Кавказской линией, узнав о тревожных событиях, незамедлительно отправило на подмогу отряд казаков. Только благодаря их появлению, в ожесточённой схватке русским удалось «прорубить» путь из Ларского ущелья в безопасные места.

Впрочем, к тому времени, как Кнорринг добрался в Моздок, его настиг Приказ императора Александра об отстранении его с должности главнокомандующего Грузии.

Вернувшиеся в Тифлис Тучков, Лазарев и Чернышёв с остатками армии, обнаружили, что за три дня их отсутствия, город буквально разнесли в щепки. Каменный дом Кнорринга стоял с выбитыми окнами и следами недавнего пожара.

Наведя внутри дома мало-мальский порядок, уставшие офицеры разместились в нём вместе с солдатами; никакого другого места для убежища у них не оставалось. Выставив на ночь круговой караул, измождённые сражениями и горными переходами, они упали вповалку и погрузились в сон.

Наутро, Сашка спустился к реке, чтоб отмыться от крови и пыли, и привести себя в порядок. Несмотря на то, что осень в Картли-Кахетии стояла жаркая и душная, вода в Куре, текущая с гор, была обжигающе холодной. Взбодрившись в ледяной воде, Чернышёв решил заодно отмыть и одежду, и замочил китель с рубашкой. В самый разгар его грандиозной стирки за спиной прозвучал насмешливый женский голосок:

– Бог в помощь, капитан.

Сашка резко обернулся и обнаружил рядом царевну Тамару.

– Я так и знал, что это ты, – сообщил он весьма неприветливо и продолжил своё занятие с нарочитым усердием.

Тамара не придала значения его неучтивости и поинтересовалась:

– Как прошла битва? Прорвался Кнорринг в Моздок?

– А как же! – бравурно сообщил Сашка, – Мы кое на что ещё способны! А, я смотрю, вам тут тоже было не до скуки? Кто вас так?

– Дядя Вахтанг, – пояснила Тамара.

Сашка встрепенулся:

– Как? Это он?! – и тут же стиснул в руках рубашку, выжал её с усилием, – Вот мерзавец! Эх, знать бы, где он скрывается...

– И что? – усмехнулась царица, присаживаясь на камень и сучающе подперев ладонью щеку, посмотрела на горе-прачку Чернышёва, – Что бы ты сделал тогда?

Сашка насторожился:

– А ты, что? Знаешь, где прячется царевич Вахтанг?

– Допустим, знаю, – лениво произнесла она и потянула у Сашки из рук рубашку, – Давай, лучше я. Ты не умеешь.

Тамара засучила рукава и начала ловко полоскать рубашку в ледяной воде:

– Гляди, как надо.

– Постой-постой. Ты сказала, что знаешь, где скрывается твой дядя Вахтанг!

– Ну, сказала, – пожалала плечами Тамара, выжимая рубашку.

– А... Ты можешь мне назвать это место? – осторожно закинул удочку Чернышёв.

Царица встряхнула рубашку и развесила её сушиться на камнях:

– Могу. Но толку от этого вам не будет.

– Это уж, позволь нам судить, – возразил он, – Так, где же он прячется?

Тамара, вслед за рубашкой, крепкими руками насухо выжала китель и бросила его Сашке:

– На, повесь сушиться! Ну, допустим, он нашёл себе пристанище у тиулетинов.

– У кого? – растерянно переспросил он.

– Вот видишь! – рассмеялась Тамара, – Я же говорила.

Сашка обиделся:

– И что смешного? Лучше скажи, где они находятся, эти «тиулетины»?

– Известно где; в ущелье Тиулетинских гор. Там у них поселение.

– Вот за это спасибо! – Сашка обрадовано потёр ладони в предвкушении того, как сейчас сообщит эту новость Лазареву с Тучковым.

– Чему ты радуешься? За что «спасибо»? Небось, соберете сейчас с Лазаревым кучку солдат и пойдёте громить Тиулетинское ущелье? – насмешливо поинтересовалась царица.

– А, по-твоему, что же? Позволить твоему дяде жечь города и убивать ни в чём не повинных людей? Между прочим, твоих же соотечественников!

Тамара поправила платок на голове. Опустилась на камень и поманила Сашку:

– Не кипятись. Пойди сюда, присядь. Одежда твоя всё равно ещё мокрая, торопиться тебе некуда. Послушай, что расскажу...

Сашке ничего не оставалось, как признать, что царица права. И он послушно присел на камень рядом.

– Народ тиулетинский совсем дикий, но смелый и храбрый, – начала рассказывать девушка, – Он занимается больше скотоводством. Тиулетины не имеют почти никакой веры, хотя и построены у них в некоторых местах старинные церкви. Из всех христианских правил соблюдают они только одни посты, учрежденные греческою церковью. Святого Георгия почитают за Бога и регулярно приносят ему в жертву кого-либо из животных. В одном из их храмов находится преогромный образ этого святого, пред которым их священники пляшут, вертятся и падают без чувств, после чего сообщают народу повеления, полученные ими якобы

от Святого Георгия, которые исполняются без возражения. Священников тиулетины выбирают себе сами и называют их деканозами. Только к ним имеют они неограниченную доверенность. Сверх того, есть в их земле древний дуб, называемый ими Багратион, который они так же почитают священным. Если кто от рода Багратионов уйдет к ним и, обняв сей дуб, скажет: «Предок мой, защити своего потомка», – то народ всеми силами обяжется его защищать.

– Кажется, я понимаю, – почесал нос Сашка, – Видимо, царевич Вахтанг...

– Именно, – кивнула Тамара, – Дядя вовсе не дурак. Уверена, что именно так он и поступил. Теперь он и все его люди под надёжной защитой всего племени. А более всего на свете тиулетины чтут свою землю и свои законы. И не допустят никого в свои пределы. Не советую вам с Лазаревым туда соваться. Вас уничтожат в два счета.

– И что делать? – насупился Сашка, – Если эти тиулетины такие тёмные и дикие, как с ними быть?

– Могу научить, – лукаво сообщила Тамара, накручивая косу на палец.

– Научи, – Чернышёв уже перестал дуться, искренне понимая, что и в этот раз без совета царевны им ни за что не обойтись.

Тамара перекинула косу за спину:

– Дядя Вахтанг получил покровительство тиулетинского племени оттого, что проявил уважение к их законам. Вам надлежит поступить так же. Вместо того, чтоб вторгаться в их земли, пригласите деканозов к себе. Окажите им достойный приём, одарите подарками, посулите огромное вознаграждение за то, чтоб они выдали вам царевича Вахтанга с его людьми.

– Думаешь, выдадут?! – поразился Сашка, – Ты же сама сказала, если тот обнял священный дуб Багратионов...

– Это для всего тиулетинского народа святыня, – перебила его царевна, – А деканозы продажные, как и другие священники, и ничто человеческое им не чуждо. Главное – склонить их на свою сторону. А они, почуяв собственную выгоду, убедят в этой идее свой народ так искусно, что будьте уверены!

Сашка посмотрел внимательно в прекрасные карие глаза царевны и спросил:

– Почему ты помогаешь нам? Ведь ты говоришь, что мы здесь чужие. А сейчас учишь нас, чужаков, как взять в плен твоего родного дядю.

Тамара сверкнула глазами и вновь принялась теребить косу:

– Последнее время всё смешалось в моей родной земле. Свои – жгут, разоряют и убивают. Чужие – жалеют и спасают. Да, вы для меня чужие и глупые. Но вы не желаете нам зла – пока я это вижу, я буду на твоей стороне, Чернышёв.

К началу зимы русские взяли в плен царевича Вахтанга. Тиулетинские деканозы за особое вознаграждение выдали им дороги, по которым движутся люди царевича, направляясь на свои разбойничьи вылазки. Вахтанга заключили в тюрьму до особого распоряжения императора Александра. Сокрушительные набеги на Тифлис прекратились.

Кнорринг, ушедший в отставку, всё же направил из Моздока отрядынгб рть9-хъ казаков для сохранения порядка в Грузии. Временно, до прибытия князя Цицианова, командование на себя взял генерал-майор Лазарев.

13 декабря 1802 года

Санкт-Петербург

Каменноостровский дворец

Елизавета Алексеевна лежала на кровати и, глядя в потолок, переживала вчерашние события праздника в честь дня рождения императора. Её переполняли противоречивые чувства триумфа и досады.

Сначала всё было хорошо; её подарок произвёл фурор. Александр был удивлён работой Протасинских фарфоровых мастеров, и с гордостью демонстрировал сервиз гостям. Затем, взяв под руку супругу, увёл её в сторонку и долго беседовал, выясняя подробности. Его интересовало всё: кто этот неизвестный мастер-самородок? Где он проживает? Узнав, что Елизавета вложила десять тысяч из государственной казны в развитие строительства его фарфорового завода на Москве, император восхищённо поцеловал супруге руку и произнёс:

– Это царский поступок, Лиз, достойный восхищения. Я горжусь тобою, милая! Впрочем, я никогда не сомневался в том, что в твоём лице Россия обретёт настоящую императрицу, заслуживающую всеобщую искреннюю любовь.

И это было сказано в присутствии вдовы-матери, тут же позеленевшей от злобы за такое коварное предательство сына. Как он мог?! В то время, как всем известно, что не тихоня-Лизка, а она, Мария Фёдоровна самая добродетельная и любимая народом государыня!

Но торжество над ненавистной свекровью было не единственной каплей бальзама на душу Елизавете, но ещё и долгожданная сатисфакция по отношению к фаворитке. Мария Антоновна вдруг лишилась привычного внимания государя и была вынуждена половину вечера оставаться в тени славы Елизаветы.

Впрочем, Нарышкину Лиз недооценила. В разгар бала та якобы случайно оказалась возле Елизаветы и невинно справилась о здоровье императрицы.

– Благодарю Вас, я вполне благополучна, – ответила она ей, победно глядя сверху вниз на соперницу.

На что коварная Нарышкина доверительно сообщила:

– Ой, знаете, а я что-то сегодня недомогаю. По-моему, я беременна...

Это был удар ниже пояса. «Вот мерзавка!» – подумала Лиз, чуть не плача, – «Будто бы я не догадываюсь, от кого она может быть беременна». Фаворитка не прогадала; настроение Елизаветы на оставшийся вечер было безвозвратно испорчено.

Правда, Александр до окончания бала продолжал быть любезным с супругой. И Лиз грешным делом даже подумала, а вдруг он захочет ночью провести время с ней, вместо фаворитки? И даже на всякий случай облачилась перед сном в лучшую ночную сорочку.

Но Александр не пришёл.

Поутру, это обстоятельство огорчило Елизавету. А потом, нежась в кровати, она вдруг поняла, что не так уж ей хотелось присутствия мужа в своей постели, как просто осознания того, чтоб Нарышкина думала, будто он пребывает в её объятиях.

Её размышления нарушила камеристка; прокравшись на цыпочках, она тихонько осведомилась:

– Ваше величество? Вы уже изволили проснуться? В приемных покоях второй час один кавалергард настойчиво ожидает возможности нанести Вам ранний визит.

– Какой кавалергард?

– Говорит, что принес какие-то рисунки по поручению госпожи Протасиной.

Лиз мигом выпрыгнула из постели:

– Одеваться! Живо!

Она перевязала волосы шёлковой лентой и обернулась к камеристке, тянувшей в комнату стеллаж с платьями:

– Не надо платья. Подай мне халат, – и, увидев удивлённый взгляд прислуги, поспешно добавила, – Ничего. Это неофициальный визит. Давай вон тот, синий с серебром.

Застегнув на талии пуговицы парчового халата, Елизавета опустила в кресло у окна, взяла в руки чашечку с горячим кофе и приказала:

– Распорядитесь, чтоб пропустили того кавалергарда от Протасиной.

Алексей остановился посреди комнаты и невольно залюбовался императрицей. Без пудры и чопорного парика, в халате, она выглядела такой домашней и родной.

– Доброе утро, Ваше императорское величество, – поклонился он, – Варвара Николаевна сказала, что Вы велели занести рисунки.

– Присаживайтесь, Алексей Яковлевич, – она гостеприимным жестом указала на соседнее кресло.

Лёшка сел, неловко разместив на коленях большую папку.

– Хотите кофе? – неожиданно предложила Елизавета.

– Нет, что Вы, – засмутился он.

– Не любите кофе? – уточнила она.

– Люблю.

– Так в чём же дело? Составьте мне компанию.

И, не дожидаясь ответа, сама взяла кофейник и наполнила вторую чашку.

– Благодарю, – Алексей принял чашку из её рук. Отпил, почувствовав, как горячая влага разливается внутри, согревая кровь.

– Как там, на улице нынче? – спросила она как-то запросто.

– Метёт, – ответил он, – Мороз. За щёки кусает.

И вдруг не сдержался от улыбки; будто, они муж и жена, сидящие в комнате за чашечкой кофе и рассуждающие о погоде...

– Чему Вы смеётесь? – удивилась она.

– Нет-нет, – спешно ретировался он, – Ничего.

– Ну, я же вижу, Вы о чём-то подумали. О чём?

– Умоляю Вас, Ваше величество, я не посмею, – возразил Алексей.

– Да, бросьте, – Елизавета дёрнула кончиком носа и вдруг заговорщически наклонилась ближе, – Мы здесь совсем одни. Кто Вас осудит? Говорите.

Он захлебнулся запахом её духов и, потеряв чувство самосохранения, признался:

– Никогда не мог себе представить, что однажды буду сидеть рядом с Вами, пить кофе и говорить о погоде так, будто бы... мы знаем друг друга много – много лет!

– А разве нет? – переспросила она, – Разве мы с Вами не знаем друг друга много-много лет?

Лёшка покачал головой:

– Русские говорят, чтобы узнать друг друга, надо вместе пуд соли съесть.

– Как это?! – Елизавета удивлённо заморгала, – Зачем есть столько соли?

– Такая пословица, – пояснил он, – То есть пережить сообща много разного горя.

Она пристально посмотрела ему в глаза:

– Странная пословица. Разве бывает горе сообща? Горе бывает только в одиночку. А, если ты в своём горе не одна, то это уже не горе; это – счастье.

Алексей застыл, не сводя с неё глаз.

– Ладно, – вздохнула Елизавета, – Давайте посмотрим рисунки Варвары Николаевны.

– ... Что? – прошептал он, находясь в плену своих грёз, – Какие?

– Те, что Вы принесли.

– А-а..., – он торопливо схватил с колен папку и неловко открыл её не с той стороны; листы с акварельными набросками веером рассыпались по полу.

Лёшка начал, ползая на коленях, собирать их. Елизавета Алексеевна, растерянно наблюдая его старания, тоже присела и подобрала пару листов. Засмотрелась на подобранный эскиз и не удержалась от реплики:

– Царское село, заснеженный пруд. Боже, как я люблю это место! Как же там упоительно хорошо летом. Здесь я плакала, когда Дороти уехала домой.

И она уселась на пол, погрузившись в воспоминания. Лёшка подполз к ней и присел рядом, тоже разглядывая рисунок.

– Алексей Яковлевич, подайте во-он тот эскиз. Это Павловск, беседка. Единственное место в Павловске, которое мило моему сердцу. Только позвольте мне не говорить, почему именно, – с легкой долей кокетства произнесла она, оборачиваясь к Алёшке, и взгляд её упёрся в странный медальон на шее юноши, во время ползания выскользнувший из-под ворота рубашки:

– Что это у Вас? Какая интересная вещица.

И она дотронулась рукой до гладкого, похожего на большой янтарь кругляша. Внутри прозрачной субстанции она разглядела цветок с множеством пальцеобразных лепестков и обрадовалась:

– Ой! Это ромашка. Там, внутри!

– Да, – подтвердил Лёшка, боясь дышать оттого, что, рассматривая медальон, Елизавета придвинулась так близко, что он ощущал на щеке прикосновение её волос, – Это та... самая. Помните? Что Вы подарили мне десять лет назад.

– К-как это возможно? – заикаясь, пролепетала она.

– Я с-сперва хранил её в книге, – признался Лёшка, тоже заикаясь, – Н-но потом понял, что она вот-вот рассыплется и... п-попросил одного ювелира. Он залил её в янтарную смолу... В-вот.

– Для чего...? – Елизавета не успела договорить.

В дверь постучала фрейлина и тревожным голосом сообщила:

– Ваше императорское величество! Пожаловала вдова-императрица Мария Фёдоровна! Она уже вышла из кареты и направляется сюда.

– Что?! – осеклась Лиз и взглянула в глаза Алексея с ужасом, – О, боже!

Хороша же она сейчас для визита свекрови! На полу, наедине с молодым кавалергардом и разбросанными по всему полу рисунками! Затем опустила голову, созерцая свой внешний вид:

– О боже!!

Кружевная сорочка из-под парчового халата! Не напудренное лицо! Без парика! Елизавета в панике подпрыгнула на месте:

– Быстрее-быстрее! Собирайте! – велела она Лёшке, подставляя папку, куда он ловко принялся скидывать рисунки.

– Теперь прячьтесь! – приказала она, – Нельзя, чтоб она застала Вас здесь! – и закрутила головой в поисках подходящего места, – Господи! Куда?!

Неожиданно ей пришла в голову спасительная мысль:

– Нет! Ступайте к столу! Живо! Садитесь! Пишите!

– Что писать? – прошептал Лёшка, плюхаясь за письменный стол.

Но ответа не услышал, так как двери отворились, и в комнату крейсером вплыла Мария Фёдоровна. Охотников безоговорочно схватил перо, макнул в чернильницу и склонился над бумагой...

Елизавета Алексеевна поднялась навстречу свекрови.

– Здравствуй, милая, – Мария Фёдоровна, стягивая перчатки, оглядела с нарочитым удивлением Елизаветин халат, – Что это ты по дворцу растрёпой ходишь? Для императрицы Российской это никуда не годиться!

И потрогала свою безупречную замысловатую причёску, давая понять нерадивой снохе, с кого ей следует брать пример.

– Я час назад проснулась, – попыталась она оправдаться.

– Я – тоже, – заявила Мария Фёдоровна, хотя это было очевидное враньё, – Но я нашла время одеться и причесаться для визита!

Лиз решила не спорить и просто отделаться комплиментом:

– О, матушка, Вы всегда выглядите безупречно!

Свекрови это польстило. Она подошла к зеркалу, лишний раз убедиться в собственном совершенстве и, вдруг в зеркальном отражении в глубине комнаты обнаружила... кавалергарда, сидящего за письменным столом, с глупейшим выражением на лице.

Мария Фёдоровна резко обернулась. И весьма неприличным для царской особы жестом, тыкая пальцем по направлению Охотникова, взвыла:

– Эт-то что такое?! Что делает в твоей комнате этот офицер?!

Елизавета была готова к такому неизбежному повороту событий, и попыталась изобразить на лице непринуждённость:

– Князь Охотников, выполняет обязанности моего секретаря, – сообщила она почти не дрогнувшим голосом, – Сейчас он сортирует мою почту.

Лёшка на этих словах Елизаветы Алексеевны счёл своим долгом подскочить и почти-тельным кивком головы поприветствовать вдову- императрицу.

Мария Фёдоровна с брезгливым выражением на лице потребовала от снохи:

– Отошли его. Потом отсортирует.

– Алексей Яковлевич, – обратилась деликатно Елизавета, – Я прошу Вас прерваться и оставить нас. Закончите позже.

Принимая её игру, Алексей с прилежностью «секретаря» положил перо, закрыл чернильницу, сложил ровненько какие-то письма, лежащие на столе. Затем испуганно взглянул на лист бумаги, на котором красовались нацарапанные им несколько слов. Быстренько оборвал край листа, скомкал и зажал в руке.

Вышел из-за стола и учтиво попрощался с высокопоставленными особами. Сперва ответил поклон Марии Фёдоровны:

– Всего доброго, Ваше величество.

Затем перешёл к Елизавете Алексеевне. Та, разволновавшись, вдруг любезно протянула ему руку для поцелуя. И почувствовала, как после ускользающей из-под пальцев ладони поручика, в её руке остаётся маленький кусочек бумаги... Записка?!

Лиз растерялась до чрезвычайности! Ею овладела какая-то детская радость вперемешку с волнением, на смену которым пришёл испуг – а не видела ли свекровь? Кажется, нет. Уф! Лиз стиснула клочок бумаги в ладони так, что ногти впились в ладошку.

Мария Фёдоровна тем временем приступила к тому, зачем, собственно и явилась:

– Ну, голубушка, ты вчера всех удивила! И главное, скрытничала-то как! Никому ни словом не обмолвилась, – она лукаво погрозила ей пальцем, – Мне этот столовый сервиз всю ночь покоя не давал. Признавайся, где такого мастера выискала?

Лиз тупо моргала в ответ; все мысли её были поглощены таинственной запиской, сжимаемой в руке. Свекровь истолковала молчание снохи по-своему, решив, что та вздумала поломаться, и пустилась на уговоры:

– В конце концов, мы же одна семья. Мне тоже хочется заказать какую-нибудь красивую вещь. Ты ведь не можешь мне в этом отказать?

Лиз с трудом вынырнула из туманной заводы своих мыслей. «Господи, о чём она говорит?!» – спохватилась она, заставляя себя сосредоточиться.

Мария Фёдоровна с приторно-сладкой улыбкой на лице обхватила её за плечи. Но Лиз выпрыгнула из её объятий, в панике подумав, что той захочется сейчас взять её за руки:

– ...Простите, я не поняла, что Вы хотите?

– Я хочу знать, где ты заказала столовый сервиз для Александра!

– Ах, это! Фарфоровая лавка Протасина на Дмитровке в Москве.

– Что с тобой? – прищурилась свекровь, – Тебя не лихорадит? Ты покраснела.

– Нет, – ответила она, но передумала, – То есть да! Я что-то неважно себя чувствую.

Она решила, что это обстоятельство заставит императрицу-вдову поскорее убраться восвояси. Не тут-то было!

– Бедняжка. Давай-ка, сделаем тебе горячего чая с мёдом. Я с удовольствием составлю тебе компанию!

И не успела Лиз возразить, как та схватила колокольчик и по-хозяйски распорядилась принести им чая.

Битый час Елизавете пришлось сидеть в кресле напротив Марии Фёдоровны и, проклиная всё на свете, думать: «Господи! Да когда же ты уберёшься отсюда, старая дура?!»

Кажется, прошла целая вечность, прежде чем, свекровь напилась вдоволь чая, рассказала все придворные сплетни и, наконец-то соизволила попрощаться, и удалилась.

Захлопнув за нею двери, Елизавета, дрожа от нетерпения, разомкнула занемевшие пальцы и вынула из влажной ладони спрессовавшийся бумажный комочек. Разлепила его трясущимися руками и остолбенела.

...«Я люблю Вас» – было выведено неровными и прыгающими буквами.

1803 год январь- февраль

Картли-Кахетия, Тифлис

В январе 1803 года Лазарев получил письмо с извещением, что новый главнокомандующий Павел Дмитриевич Цицианов 6 декабря прибыл в Георгиевск, где немедленно занялся устройством дел на Кавказских линиях и установлением дружественных отношений с народами, соседними с Грузией. И весьма преуспел; за двадцать дней, им были подписаны договоры с преданным России Шамхалом Тарковским, с ханами: Аварским, Дербентским, Талышинским, с владетелями: Табасаранским и Каракатайским. Заручившись такой политической поддержкой, Цицианов выехал в Тифлис.

Чернышёв получил депешу от императора Александра; государь настоятельно требовал продолжать выполнение задания в должности секретаря и адъютанта теперь уже князя Цицианова.

Чернышёв вышел во двор и, заметив Тучкова, курящего трубку, присел рядом:

– Сергей Алексеевич, а Вам знаком этот Цицианов?

– Приходилось слышать. Личность собой известная, – попыхивая дымом, изрёк Тучков, – Был в Турецкой войне, отличился в Польской кампании, затем здесь на Кавказе воевал с персами под командованием Валериана Зубова.

– Расскажите, что он за человек?

– Родом он из этих мест. Фамилия настоящая его – Цицишвили.

– Позвольте, – удивился Сашка, – Но ведь царица Мариам тоже из рода Цицишвили; выходит, он ей родственник?

– А кто его знает? Может, и родственник. А, может, однофамилец, – пожал плечами Тучков, – Мне известно только, что ещё дед его приехал в Россию с его отцом, где и остались навсегда. Павел Дмитриевич – фигура оригинальная в своём роде. Человек он одарённый от природы острым разумом. Образованный, с большим опытом в военной службе. Вспыльчив, горд, дерзок, самолюбив и упрям. До работы и до драки охоч. Редко принимает чьи-то советы. И на язык крут, но сам обидчив! Ещё с молодости, говорят, отличался мстительностью нрава, и за это частенько был наказан государыней Екатериной Алексеевной, царствие ей небесное.

– Н-да. Ну и монстра Вы «нарисовали», Сергей Алексеевич.

– По сравнению с Кноррингом, оно конечно! – улыбнулся Тучков, – Ну, да Его императорскому величеству виднее. Может, сюда именно такого и надо?

– А лет ему сколько?

– Дай прикинуть, – задумался Тучков, – Полагаю, сейчас годов под пятьдесят.

Цицианов прибыл в Тифлис 1 февраля 1803 года.

Высокий, статный, плечистый, с гордым орлиным профилем, с копной чёрных волос с седою проседью – одним видом он внушал трепет и уважение. Солдаты, выстроенные для праздничного парада в честь нового главнокомандующего, увидев генерала, тут же подобрались и вытянулись в струнку. И так рьяно чеканили шаг, что выбили из окаменевшей земли целый столб пыли. Цицианов, взирая на это зрелище, тыкал локтём в бок Лазарева и весело хохотал:

– Гляди-ка, сейчас искру каблуком высекут!

После окончания парада, Цицианов за обеденным столом тут же заявил:

– Довольно топтаться на месте, господа. Я имею очень чёткие указания, обозначенные Их императорским величеством Александром Павловичем. Задача, которая стоит перед нами – завоевание состоящих в оккупации земель от реки Риона до Куры и Аракса, до Каспийского моря и далее.

Все ошеломлённо притихли и переглянулись украдкой. Ишь, куда махнул!

Павел Дмитриевич сделал многозначительную паузу, во время которой пытливым взглядом «просветил» каждого сидящего за столом, пытаясь выяснить – не испытывает ли кто-нибудь сомнений в возможности достижения им озвученных целей. И заговорил дальше:

– Государь Александр Павлович выражает мне полное доверие и убеждение в том, что я, важностью возлагаемого на меня служения, руководствуясь, как знанием моим о нравах сего края, так и собственным благоразумием, исполню долг свой с тем беспристрастием и правотою, какие Их императорское величество всегда во мне предполагали и находили!

На этих словах Цицианов гордо вскинул подбородок и поднял бокал вина:

– За успех, господа! За всецелое оправдание доверия государя-императора! И за величие Российской империи!

Офицерам ничего не оставалось, как подняться и выпить стоя.

Цицианов и впрямь с первого же дня решительно взялся за дело. Он принял ряд мер, поощрявших хозяйство и земледелие, чтобы заслужить авторитет среди крестьянских слоёв и заручиться их поддержкой. Значительно облегчил процедуру судебных гражданских дел, которые после Коваленского с Кноррингом были весьма запущены и не вызывали доверия у грузинского народа. Для привлечения на свою сторону среднего дворянства и купечества, Павел Дмитриевич постарался поднять торговлю и улучшить дороги, пребывающие в очень печальном состоянии. Пропагандируя образование, настойчиво стал склонять население к открытию в Тифлисе гимназии.

Всё это он продельвал быстро, напористо, не слушая ничьих советов и не церемонясь с возникающими препятствиями.

Наблюдая его действия, Сашка порою восхищался этим человеком. А порой ловил себя на мысли, что Цицианов нередко привносил в приказы государя осуществление собственных оригинальных замыслов. И кое в чём, бывало, «перегибал палку». Властный и категоричный, он был всецело убежден в своей правоте и единственное чего требовал – это неукоснительного подчинения.

К своим подчинённым относился высокомерно, не выделяя любимчиков. Те, кто были в приближении у Кнорринга, заочно оказались в изгоях; Коваленского и Орбелиани он быстро услад с глаз долой, поручив им охрану отдалённых от Тифлиса объектов, и держал под строгим контролем. А Лазарев с Тучковым трудолюбием и исполнительностью вскоре приобрели заслуженное доверие нового главнокомандующего.

К Чернышёву же Цицианов испытывал настороженность, оттого, что тот был настоятельно рекомендован ему в адъютанты самим государем. Сашка неотлучно находился при нём, вёл документы и почту. И нареканий в свой адрес не провоцировал. Но всё равно чувствовал, что главнокомандующий упрямо держит с ним дистанцию.

Ту же высокомерность, что и к подчинённым, Цицианов проявлял и к членам Картли-Хакетинской царской семьи. Чем вызвал у них обиду и недоверие.

В конце февраля, вызвав к себе Чернышёва, Тучкова и Лазарева, Павел Дмитриевич осведомился, что им известно о местонахождении бунтовщиков царевичей Юлона и Алессандро, а так же их матушки, царицы Дареджан?

– Царевичи скрываются в Персии под покровительством Джават-хана. Их конкретное местонахождение не известно. Царица же ныне изволит проживать в Сураме вместе со своими многочисленными придворными, – ответил Лазарев.

– А кто из членов царской семьи находится в Тифлисе?

Лазарев принялся перечислять всех взрослых царевичей, детей царя Георгия от его первого и второго браков, и вдову царицу Мариам с не достигшими возраста детьми, что находились при ней. А так же царевич Вахтанг, что содержался под арестом.

– Ну, что ж, – задумчиво произнёс Цицианов, вышагивая по периметру ковра, – Я имею указание от Его императорского величества на то, чтобы вывезти в Россию, всех беспокойных царевичей, а особенно царицу Дареджан, которая активно настраивает сыновей против новой власти. Мера эта главная для успокоения грузинского народа, который пока что не перестаёт сомневаться в правильности устанавливаемых нами порядков. Для достижения этой цели государем-императором мне даются полномочия в убеждении, настоянии, и принуждении к выполнению его воли!

Он обвёл всех внимательным взглядом и продолжил:

– А по сему я приказываю: нынче же ночью генерал-майору Тучкову вместе с отрядом казаков направиться в Сурам, где захватить царицу Дареджан и сопровождать её через Мцхет к границе для вывоза в Россию. Туда же из Тифлиса подъедет капитан Чернышёв, который будет сопровождать с войском царевича Вахтанга. А Вам, – обратился он к Лазареву, – Сегодня, как стемнеет, окружить дом царевича Давида. Арестовать царевича и всю его семью. И под прикрытием вывезти до границы в Моздок. И далее всех царственных заключенных, перепоручив командующему Кавказской линией, строго секретно переправить в Петербург.

Чернышёв не удержался:

– Ваше высокоблагородие, но царевич Давид не являет собой никакой угрозы.

– Он наследный царь Грузии, – недовольно возразил Цицианов, – А теперь здесь только один царь – Александр Павлович! И никакого другого царя быть не должно!

– Но ведь он подписал отречение, – не сдавался Сашка, – Он совершенно безопасен и даже беспомощен.

– Молодой человек! – взъярился Цицианов, наливаясь краской, – А как Вы полагаете, почему государыня Елизавета Петровна, взойдя на престол, посадила в тюрьму Иоанна Антоновича, которому было тогда от роду всего три месяца?! Он был свергнутым царем, и тоже был безопасен и беспомощен! Ваше дело – выполнять приказ!

Все трое выполнили приказ безупречно. И через день вернулись в Тифлис и, точно подкошенные, повалились в сон.

Однако, Чернышёву едва удалось задремать, как настойчивый и раздражённый голос из открытого окошка его разбудил:

– Эй! Чернышёв... Чернышёв! Где ты был?

Сашка с трудом разлепил глаз и утомлённо посмотрел на Тамару, облокотившуюся на подоконник с улицы, но ничего не ответил. Царевна сама затараторила без умолку:

– Знаешь, что тут было прошлой ночью?! Царевич Давид пропал со всей семьёй! Люди говорят, будто видели, как ваши солдаты окружили его дом и вывезли всех неизвестно куда. Чернышёв, ты ведь, наверняка, знаешь про это? Куда увезли Давида?

Сашка, стыдясь того, что они сделали, понимал, что правду сказать Тамаре не может. И потому, боясь глядеть в лицо девушки, пробормотал:

– Не волнуйся. Давида вызвал к себе император Александр. Он пожелал, чтобы тот со всей семьёй жил в Петербурге.

– И, что же, всех, кого твой царь приглашает в гости, вывозят ночью тайком?! – прищурив глаз, спросила она, – Ты лжёшь мне, Чернышёв. Почему ты лжёшь? Раз вы сделали это ночью, значит, боялись бунта. А, если так, то поступок ваш был скверным. Ведь Давида вы просто арестовали, да? Что ты молчишь? Выгораживаешь своего приятеля?

– Какого приятеля? – не понял Сашка.

– Лазарева! – выпалила Тамара, – Его узнали среди офицеров. Там, где действует этот негодяй, ничего хорошего быть не может.

– Ты не справедлива. Иван Петрович он...

– Он бессовестный варвар! – не дала ему договорить царевна, – Я отлично помню, как он бесцеремонно снял с матушки орден! Хотя не имел права даже прикасаться к ней! Он плюёт на наши обычаи и попирает наши законы! И с Давидом он поступил так же!

– Да пойми же! – вклинился в её бурную речь Сашка, – Лазарев всего лишь солдат, который обязан был выполнить приказ!

– Что за приказ?

– Вывезти в Россию всех, кто представляет беспокойство для новой власти.

– Давид для вас опасен?! – взъярилась она, – Ну, понятно, дядя Вахтанг. Бабушка Дареджан. А Давид?! Все знают, что Давид никому не угрожал. Он и мухи не обидит! Выходит, следующими вы выселите отсюда нас – меня, матушку и всех моих братьев и сестру?!

– Причём тут Вы? – оскорбился Сашка.

– А почему нет? – развела руками царевна, – Ведь у вас приказ. Кто вам придумывает такие приказы? Этот кахетинец, позорящий благородный род Цицишвили?!

– Он тоже подчиняется вышестоящему командиру.

– Вашему царю? – Тамара отпрянула от окна, и глаза её сверкнули недобрым огоньком, – Помнишь, я сказала, что твой царь добрый, но глупый? Так вот! Я ошиблась. Твой царь просто глупый!

– Тамара! – взмолился Сашка, пытаясь успокоить царевну.

– Не говори со мной! – остановила она его повелительным жестом и, гордо вскинув голову, удалилась.

Сашка без сил упал на кровать, но уснуть не мог; на душе было гадко.

1803 год март

Санкт-Петербург

Посыльный доставил императору Александру письмо от его брата Константина, с осени пребывающего под охраной в Гатчинском дворце на правах арестанта. В письме Константин любезно просил у царственного братца позволения приехать в Петербург, дабы иметь возможность встретиться с ним и переговорить с глазу на глаз.

Александр, подумав немного, согласился. Но велел кавалергардам доставить Константина в закрытой карете, опасаясь возобновления сплетен по ещё не забытому при дворе чудовищно-скандальному происшествию в Стрельне, случившемуся пять месяцев назад.

Константин прибыл, сообразно всех условий; послушно просидел всю дорогу за плотно задёрнутыми шторами в карете, затем позволил себя провести во дворец к императору не с парадного крыльца.

И, оставшись с братом наедине, потирая руки возле жаркого камина, попросил:

– Прикажи подать горячего чаю; я ужасно продрог в дороге.

Александр удивился, отметив, что брат попросил для согрева чай, а не водку, как раньше. Распорядившись, чтоб подали чай, он деловито склонился над бумагами, демонстрируя брату намёк на то, что он ещё не простил его выходки с мадам Арауж, и продолжает выражать презрение.

Отогревшись, Константин начал сразу без предисловий:

– Ладно, не дуйся. Я знаю, что ты не очень-то рад меня видеть. Поэтому не стану докучать тебе пустыми разговорами. Я приехал выразить просьбу: определи меня, пожалуйста, на государственную службу. Мне всё равно, куда. Можешь выбрать самую сложную миссию – я на всё согласен. Только пусть это будет подальше от столицы; мне ни к чему здесь мелькать, да и тебе часто видеть мою физиономию, я знаю, не доставляет удовольствия. Я со своей стороны обещаю, что буду нести службу исправно. И клянусь – больше никакой пьянки и никаких скверных историй. С этим покончено раз и навсегда. Слово великого князя Романова.

Александр, оторвавшись от дел, изумлённо посмотрел на брата. Он ожидал чего угодно – что Константин начнёт стенать и сетовать на скуку, просить позволения выхода в свет и возвращения к столичной жизни, к развлечениям и охоте.

Константин допил чай и не выдержал:

– Ну, чего ты молчишь?

– Я... – Александр неожиданно засипел и прокашлялся, – Извини, ты это серьёзно?!

– Конечно. А что тебя смущает? Я достаточно образован для государственной службы. И, кстати, если ты забыл, я – боевой командир; я прошёл почти всю войну в Италии и Швейцарии рядом с Суворовым, и не ударил в грязь лицом. Я могу быть тебе полезен в военных делах для наведения порядка в любой из губерний.

Император закусил губу; это, конечно, хорошо, что Константин взялся за ум. Ему сейчас так нужны соратники и единомышленники. Он с удовольствием включил бы брата в Императорский Совет. О! Вдвоём они бы могли уверенно противостоять оппозиционерам! Но... не сейчас. Ещё у всех на устах эта история с погибшей немкой. Константин прав – ему пока надобно удалиться из столицы. Хотя бы на год. Пока всё уляжется и забудется.

– Что ты думаешь по поводу западных границ? – вкрадчиво спросил Александр.

– Я же сказал, что согласен на любое предложение, – настойчиво повторил тот.

Император встал из-за стола и вышел на середину кабинета:

– В таком случае, я бы хотел предложить тебе проехаться вдоль западной границы и проинспектировать пограничные войска. В Европе неспокойно. Англия затевает новую коалицию против Наполеона; по Пруссии с Австрией гуляют волнения. Мне необходимо быть уверенным, что наши границы надёжно защищены и мобилизованы.

– Я понял, – кивнул Константин, – Когда ты хочешь, чтоб я выехал? Сегодня? Завтра?

Александр опять растерялся:

– Постой. Ты так торопишься. Я сам составлю для тебя маршрут и подробно опишу требования. Главное, не спеши; проверяй всё вдумчиво и основательно.

– Не беспокойся. Проверю всё надлежащим образом, – отрезал Константин.

Александр вдруг широко улыбнулся и обнял брата:

– Знаешь, я страшно рад, что ты со мной! Ты мне очень нужен. Ты молодец, что всё переосмыслил. Не знаю, кого мне благодарить за такую удивительную перемену!

– Варвару Николаевну Репнину, – подсказал ему тот.

Александр неприятно поджал губы и насторожился; разговоры брата об этой девице уже надоели ему до оскомины.

Но Константин, заметив покривившуюся физиономию государя, снисходительно хлопнул Александра по плечу:

– Да полно уже! Не квась мину! Разговоров о моей женитьбе на этой барышне больше не будет. Ты ведь знаешь, она теперь замужем. Тема закрыта.

Через три дня Константин отбыл из Санкт-Петербурга в Смоленск и далее по намеченному для него братом маршруту инспекции пограничных войск.

Император вновь остался в одиночестве, пытаясь внедрить в жизнь идею о благоустройстве империи, в окружении консервативных министров, которых он в душе и ненавидел и боялся одновременно.

Все душевные терзания Александра Павловича, его пылкие стремления к переустройству государства и облегчению доли крепостного крестьянства, вся его изнурительная борьба с Сенатом и настойчивые проекты Конституции, которые он «выжимал» из своих соратников, в конечном итоге не принесли успеха. Единственным плодом этой мучительной деятельности стал документ, вошедший в историю, как «Указ о вольных хлебопашцах».

Этот Указ, подписанный императором 3 марта 1803 года, предусматривал освобождение крепостных крестьян на волю за выкуп с землей целыми селениями или отдельными семьями по обоюдному согласию крестьян и помещиков.

Александрю казалось, что он сделал первый шаг к отмене крепостного права, и даже испытывал чувство гордости за эту крохотную победу, с болью выпарапанную им из закостеленного сознания Русского дворянства. Но в действительности, данный Указ послужил для потомков лишь поводом обвинить Александра в лицемерии, так как он совершенно не повлиял на крепостническую систему.

Причиной этого явилось то, что согласно данному Указу, за выкупленную душу надо было уплатить 400 рублей серебром, что было значительной суммой для крестьян, желающих получить свободу. С момента вступления в силу Указа до конца царствования Александра Павловича было заключено всего 160 сделок, что, разумеется, было каплей в море. Таким образом, благодаря стараниям государя за двадцать два года в «вольные хлебопашцы» вышли 47 тысяч крестьян, что составило бы, по грубым математическим расчётам, 0,5% от общего количества всех крепостных Великой Российской империи.

Александрю становилось невыносимо скучно. Его соратники, молодые демократы, всё больше разочаровывали несостоятельностью выдвигаемых ими проектов. А, всё, что они сочиняли сообщая на заседаниях Негласного комитета, затем неуклонно разбивалось под яростным неприятием дворянства, заседающего в Сенате.

В итоге вся деятельность Негласного комитета была лишь императорской забавой. Со стороны это выглядело так, будто взрослые дяди разрешили мальчикам поиграть в соседней комнате во взрослые игры, но строго следили за тем, чтоб те не сделали бы ничего без их ведома, и вовремя осаживали расшалившихся сорванцов.

В Сенате все терпеливо ждали, когда уже молодой царь наиграется в демократию...

Александр, в самом деле, как маленький ребёнок, тщетно пытающийся снискать внимание взрослых к своим детским проблемам, слонялся от одного к другому – искал поддержки своим планам. Но никто его будто не слышал, не оказывал помощи; каждый преследовал свои цели, не считаясь вовсе с мечтой молодого императора об «общем благе».

И Александрю снова и снова казалось, что он безнадежно одинок, что он будто в пустыне и вокруг него – одни миражи и призраки. И тот факт, что он – самодержец всероссийский... да, полно – уж не сон ли это?

Заседания Негласного комитета стали его удручать, и проводились им всё реже. К концу марта 1803 года император окончательно разочаровался в полезности и практичности этого органа. И Негласный комитет прекратил своё существование.

Часть четырнадцатая. Стремления жить, любить и властвовать

*1803 год март
Санкт-Петербург*

Императрица Елизавета Алексеевна приехала в Александро-Невскую лавру.

На могильной плите её дочери лежала веточка белых лилий. Исполненная трогательных чувств, Лиз присела и погладила ладошкой цветы. И неожиданно разглядела под бутонами сложенный квадратиком листочек бумаги.

Опять записка?! Она испуганно огляделась – нет ли кого поблизости? Развернула и торопливо прочла:

«Понимаю, что любить Вас – безумие. Всё равно, что любить звезду, прекрасную, далёкую и недосыгаемую. Но звёзды всё же дарят свет безнадежно в них влюблённым, взирая на них с высоты. Явите же звёздную благосклонность; позвольте хоть изредка смотреть на Вас; пленённый любовью, околдованный Вами, я не смогу без этого жить.

Каждый день ровно в три часа после полудня я буду проезжать в дорожной карете мимо Ваших окон. Мне достаточно знать, что Вы в это время находитесь в своих покоях. Если же Вы удостоите меня, хоть иногда, возможности увидеть Ваш прелестный образ в окне, я буду самым счастливым грешником на свете.

Вечно Ваш А.»

Она захлопнула листок. Господи, он сумасшедший. Что он себе позволяет?!

Вернувшись во дворец, Елизавета не могла думать ни о чём, кроме содержания записки. Неужели этот поручик думает, что она, Российская императрица, будет стоять у окна и смотреть, как он проезжает мимо в карете?! За кого он её принимает?

Чтобы избавиться себя от унижительных мыслей, она схватилась за вышивание. Но дело не ладилось; нитка рвалась, пальцы не слушались. В итоге Лиз до крови уколола палец и отбросила вышивку в сторону. И, точно заворожённая, стала прогуливаться перед окнами.

Часы пробили три часа. Она осторожно отогнула портьеру; дорога за парком была пуста. Лиз вздохнула и прильнула лбом к холодному стеклу. Господи, до чего она себя довела! Первая женщина в государстве; выглядывает в окна. Краснеет. Прячет записочки. А какой-то кавалергард морочит ей голову.

Вдруг до её слуха долетел неторопливый цокот копыт, и показалась карета. В её открытом окне можно было разглядеть седока, черты которого были так узнаваемы!

Елизавета в панике отпрянула от окна и спряталась за портьеру.

*1803 год март-апрель
Мекленбург-Шверин, Людвигслуст*

31 марта 1803 года Елена Павловна родила девочку.

Сообразно имени сына, выбранного в честь обоих дедов, девочку назвали Марией-Луизой в честь обеих бабушек.

В апреле герцог Мекленбургский приехал в Людвигслуст. К сожалению, пожилая герцогиня Луиза была нездорова; у неё часто опухали ноги, лишая возможности передвигаться. Фридрих-Франц с болью в душе поведал о том, как она, провожая его, переживала и плакала, что не сможет увидеть маленькую внучку, названную в её честь.

И сердобольная Елена, которая трепетно относилась к свёкру и свекрови, выразила желание самой поехать с девочкой в Шверин и дать возможность бабушке подержать на руках долгожданную внучку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.